

Тысяча печатей, или Преступником не должен быть китаец

1. Молодой господин Мино, племянник наместника Приволья

Никого не принуждали — каждый имел свои причины явиться.

Да и почему бы в последний месяц зимы, когда все чиновники с трепетом ожидают назначений на следующий год, старым друзьям не собраться вместе, отринув на время волнения, не воспеть зимнюю луну? Полнолуние славят все, кому не лень, в вот растущий месяц до сих пор редок даже в больших стихотворных сборниках. Уж хороши ли выйдут наши строки — заранее не скажешь, но ничего подозрительного в таком занятии нет.

Сошлись на Седьмой улице, в усадьбе зятя наместника Перевального края. Ворота хозяин велел запереть, дабы ничто не отвлекало от бумаги и туши. Кто в последний миг усомнился, не решился прийти — тот и не нужен. По сути все мы грамотеи, вместе или порознь, но выращены на одних и тех же материковых книгах. Кто остался верен долгу просвещённого служилого, а кто чиновную долю мыслит иначе — как раз сегодня и узнаем.

Одеты гости не в должностное платье, хотя печать у каждого при себе. Чинами не считаются. Наместник Заозёрья — потомок государя, что правил в годы Ясной Радуги, основателя нашей Столицы. И вот ведь, запросто сидит рядом со стольником, чей дед ещё на Востоке мечом махал, и с пожилым наставником, чьи предки вовсе из-за моря родом. Но восемь из дюжины присутствующих несут сейчас одну службу: наместничью, в больших, крупных и средних землях Облачной страны. Давно не виделись все вместе.

Бумага разложена, кисти готовы. Наместник Пещерного края уже и набросал несколько знаков. Наместник Охвостья успел вымазать тушью рукав, хоть за тушечницу и не брался. Но смотрят все не на неряху, а на его соседа, молодого господина из Приволья. Тот, не вставая, отвешивает поклон в сторону старичка-наставника:

— Твой почерк лучше всех, учитель. Прошу переписать набело.

И вытаскивает из рукава черновик. Слуг тут нет: Мино передает свиток господину из Охвостья, тот стольнику, стольник — Заозёрному. Государев сокольничий подтянул рукава: ожидает, что ли, что грамоту дадут в руки каждому, прежде чем перебелят? Нет: получивши свиток, наставник разворачивает его перед собой. Прижимает увесистыми линейками, чтобы не скручивался. Внимательно читает.

— Не огласить ли вслух ещё раз? — говорит Пещерник, откладывая свои стихи.

— В самом деле, сколько поправок-то было... — кивает наместник Речного края.

Столько поправок, столько встреч, наедине или по трое-четверо, в Столице, на дорожных постоянных дворах, в усадьбах у надёжных друзей, в беседках близ холмов с прекрасными видами. Забота у всех одна, но замыслы разные; решать Государю, но у каждого есть своё предложение. Обсуждали, спорили, и каждый раз ждали: вот за порогом хрустнет ветка, скрипнет дверь, звякнет оружие; войдут, прищурятся: вот вы где!.. Обошлось.

Теперь наконец всё согласовано, сведено воедино. Переписать — и во дворец.

— Зачитать так зачитать, — кивает Приволец. — Но умоляю: не будем возобновлять прений! У нас мало времени.

Наставник читает — и все слушают, как в первый раз. Вроде бы неплохо получилось. Вступление; напоминание о страданиях народа; рассуждение о долге подданного и милости правителя. И затем к насущным делам. Когда старик — осторожно, по слогам — читает то самое имя, по меньшей мере двое из дюжины гостей убирают руки в рукава. Уж боги ведают, зачем: стиснуть лишний раз оберег, где заклинание от дурной судьбы? Подержаться за кинжал, холодом железа прибавить себе решимости? Просто дрожь скрыть? Но все молчат. Только Заозёрный величаво кивает, как всегда.

— ...на коленях умоляем: обуздать смутьянов, сквозь слёзы взываем: мятежу должен быть положен конец.

Наместник Охвостья ёжится. Всё-таки непривычно без челяди. Холодно, но не станут же чиновные мужи сами раздувать угли на жаровне...

— Что ж: и кратко, и полно, — молвит наместник Заозёрья. — Станем опять переделывать, только испортим.

— Волков я бы всё же выкинул, — бурчит Пещерник себе под нос.

Из грамоты, пожалуй, да. А попробуй их выкинь из Пещерного края: хищных волков, кровожадных тигров... Пробовали. И из Речного, и из Киноварных предгорий, и с Перевалов, каждый в меру сил, но вот — не сумели. Что и имеем мужество признать: за себя и за родню, в письменном виде, красивым слогом.

— Оставим, — говорит учитель. Он сам и предложил сравнение с дикими зверьми. Пододвигает к себе светильник, морщится и берётся за кисть. Лица остальных исчезают в тени.

И сразу гостевой покой кажется больше, чем есть. И звуки слышнее, даже самые тихие. Кто-то из гостей сопит, простужен с дороги. Кто-то явился в слишком новом платье и весь шуршит.

Но, пока наставник пишет, все стараются не шуметь. Стольник передаёт записку молодому господину из Приволья, тот, прочтя, кивает, что-то добавляет от себя и передаёт Заозёрнику... Наместник Верхней Киноварной земли взялся за стихи о луне — надо же сложить на всякий случай! Пишет с таким лицом, будто это

его предсмертные строки. А сокольничий оказался предусмотрительнее: чем марать бумагу в потёмках, набросал заранее, сейчас достал из рукава листок и положил перед собою.

Учитель управился на удивление быстро. И на чистовике оставил свободное место — ровно для двенадцати подписей и печатей. Вздохнул:

— Руку мою, конечно, опознают сразу. Но уж подписываться первым я не стану.

— По кругу же, как договаривались!

Мино первым достаёт печать. Когда ему — из рук в руки — передают новый свиток, подписывается, оставляет киноварный оттиск. Имя и должность. Передаёт следующему. Тем временем старик-наставник бережно, как прежде, сворачивает черновую грамоту. И подносит к огню.

Ненадолго, но станет светлее. И пусть никто в последний миг не мешкает и не сетует. Господина из Охвостья остановили, когда он тиснул было свою печать вверх ногами. Да не важно: подписи по кругу, верха и низа тут нет.

— Сделано, — молвит наместник Заозёрья. — Осталось решить последнее. Кто поднесёт прошение Властителю Земель.

Половина присутствующих смотрит на сокольничьего. Ближний Государев человек, как-нибудь на охоте, вдали от чужих глаз, мог бы...

— Не слишком ли я молод для такой чести...

Наставник недовольно фыркает. Но Приволец говорит:

— Об этом не тревожьтесь. Посредник у меня есть. Человек в малых чинах, к Государю вхож и никому из нас не родич.

— Не выдаст раньше срока? — спрашивает стольник.

— Нет. У него такая служба, что себя он этим погубит ещё прежде, чем нас.

2. Госпожа с Восьмой улицы, урождённая Намма

— Прежде, чем нас застучает кормилица... Вот это и это нужно доесть!

Кормящей матери вредно: слоёное, кислое, острое, красное, чёрное, в общем, почти всё кроме каши и водорослей из-за пролива. Видеть уже их не могу. А завитушки с бобами, да с перчиком... А тыква по-восточному... Нет, всё-таки иногда молодой господин Асано соображает, чем порадовать!

Свету здесь — только от жаровни. Господин разъездной уполномоченный Обрядовой палаты воспользовался случаем залезть под одеяло. Продрог в пути: зимой, то морем, то на коне, торопился в Столицу — и прямо к нам. Привёз дитяти оберег в мешочке. Заглядывать нельзя, тайна! Из того храма, где господин в этот раз наводил порядок. Монашеские склоки там — как везде, но святыня оттого не ослабела. А где это? Далёко на востоке, в Верхних Снопах. В такие дали и батюшка-то ездил только в молодости. Но, как вижу, готовят там вкусно.

Аварэ, нет! Юному господину с Восьмой улицы самому пока нельзя отвесть! Ни тыкву, ни оберег! Изволь уж кушать, как положено.

Нет, кормилицу так и не нашли, кормлю я сама. Зачем спрашивать? Будто бы господин уполномоченный сюда не затем явился, чтоб на нас с маленьким поглядеть. Вообще-то кормилица у юного господина была, присоветовали одну. Но настоящая кормилица, батюшкина, её выставила. Сама она тоже живёт не у нас, по-прежнему у батюшки, но сюда захаживает. Вот три дня назад заглянула — и до сих пор искореняет мои недосмотры и Рэевы упущения по всему дому. Ну, вроде как господин уполномоченный, только не в храмах, а на Восьмой улице. А причина в том, что кормилица опять поссорилась с моею сестрицей. Сказала: «Всё, ты меня не любишь, не слушаешься, уйду я от тебя к юному господину Дзэхэю, только ты меня и видела!» И ушла. Ничего, это ненадолго: она по сестрице уже соскучилась, скоро вернётся туда. Пятый раз уж так.

— Немалая у старушки ответственность!

— То ли ещё будет! Вот братец мой женился — у них дитя ещё не намечается, но уж как родится... Впрочем, мы всё равно успеем раньше.

Не надо этак вот глядеть. С вопросом: кто — мы? Господин и госпожа с Восьмой улицы? Или госпожа и вечерний гость? Ладно уж, уточню:

— Видел дверь, занавешенную полосатой циновкой?

— Кажется, видел.

— А что за нею — так просто не заглянешь! Там моя Рю тоже ребёночка ждёт, строго соблюдает свои дикарские обряды. Её Таро уже с ног сбился, потому что по их обычаям ей не столько запретно, сколько должно и необходимо. И из еды, и из одежды, и для любования всякое... Почти ничего из этого в Столице и окрестностях не произрастает, не ловится и не изготавливается. Вот где мы возьмём бамбуковую шляпу положенного образца? А без шляпы — никак: не просто оборотень может родиться, но ещё и непочтительный к старшим!

— И что по этому поводу говорит кормилица господина Наммы?

— Сказала, что всё это пустые суеверия и обещала шляпу раздобыть.

— А тебе без Рю грустно?

— Скорее, беспокойно. Но обет молчания она не держит, по счастью. Мы вот с юным господином гулять пойдём — и с ней перемолвимся. Но это днём: там полосочки, надо видеть!

А подруга моя Пересмешница про второе дитя Младшей государыни пока ничего не пишет. Она вообще писать реже стала. Девочка, царевна, растёт, и вроде бы всё хорошо, а пожелать ли им царевича, наследника — даже не знаю, на радость то будет или на беду.

— А что супруг? — спрашивает господин уполномоченный с видом, будто сам он тут чужой, тайный любовник или уж не знаю кто. Мог бы сказать просто «Рэй»,

как раньше. Или уж «Дзэхэй-младший». Или «переписчик».

— А он скоро будет, сам у него спроси.

Изволит ли господин Асано вылезти из-под одеяла, одеться, нацепить шапку и сделать лицо, как у учтивого гостя? Будто старший родич любезно зашёл проведать младшую родню... И вообще: у кого-то ведь ты, супруг мой бывший, после дальнего пути оставил лошадь, посетил баню, побрился, сменил платье перед тем как завалиться сюда — ведь так? Я не любопытствую, у кого именно.

Мог бы за эти годы уразуметь, как у нас в семье принято. Мой батюшка никогда не спрашивает матушку про её нынешнего мужа: «А как там господин Гээн?» И наоборот, матушка его о мачехе не расспрашивает. Что хотят — сами скажут. Господин же Гээн не только о себе поведает, но и обо всей своей родне. И о некоторых совершенно посторонних лицах вроде пророка. Да, кстати!

— Помнишь, в Отрадных горах, мостик через пропасть...

Прислушивается, будто это начало песни. О прошлом, о нашей единственной вылазке вдвоём за пределы Столицы... Нет, не обижайся, но я о другом:

— Там среди паломников был такой глухонемой малый. Помнишь его?

— Да, конечно.

— Он объявился! Теперь и говорит, и слышит.

— Исцелился всё-таки?

— Или бросил притворяться. Прибыл в Столицу и предсказывает будущее. Только не по заказу, а по наитию. Матушка его про нашего маленького пробовала спросить, он отмолчался. А сама я не спрашивала.

Мне бы с нынешними делами разобраться, а будущее погодит.

— Надо будет послушать, что за прорицатель, — молвит молодой господин Асано. — И у деда спрошу, как до дому доберусь.

Ага. В Конопляной усадьбе ты, значит, правда ещё не был с дороги.

— Но к моему батюшке ты всё-таки тоже зайди потом. И будь готов, что он тебя будет расспрашивать в подробностях. Обо всех краях, где ты побывал.

Ненавижу этукую мину. Что у уполномоченного, что у братца. Не в первый раз уже: слыша, что господин Намма их о чём-то нестоличном спросит, оба морщатся, будто половину казны Облачной державы украли да припрятали по дальним захолустьям. И это ведь не из-за страха перед Полотняным приказом и даже перед батюшкою самим, нет. Но что тут за тайны, не понимаю.

Вот и юный господин возражает. Вслух! Подержу его? — без слов, только движением спрашивает гость мой. Давно бы так!

3. Дзэхэй Хисаёси, он же Рэй, переписчик Государева Книгохранилища

«Давно бы так», — гласит высочайший росчерк на грамоте, представленной из Палаты Обрядов. О присвоении досточтимому Камэю звания «Учитель страны»,

за великие заслуги и так далее. Неясно только, как толковать волю Государя. То ли: вопрос назрел, очень было бы кстати почтить кого-нибудь из старинных праведных монахов, в назидание нынешнему веку. То ли: наконец-то Палата занялась своим делом, а с назначениями чиновников, сбором податей и разоблачением заговоров Властитель Земель уж сам разберётся.

Любопытно, однако: почему выбран именно этот добродетельный наставник? Он учил чему-то, что полезно вспомнить в наши дни? Или существует посмертная выслуга лет, и подошёл его черёд? Или глава Обрядовой палаты, а то и сам Государь, питают к нему личное пристрастие?

Во исполнение сего решения в Книгохранилище поступил наказ: выверить и заново переписать собрание стихотворений монаха Камэя. Учёными его трудами будет заниматься монашеская община, но он и на путях мирской словесности отметился на века. Задание ответственное, а исполнить его глава Книгохранилища, господин Дзэхэй, поручил своему приёмному сыну, переписчику Хисаёси.

То есть мне. Я к новому имени уже почти привык. Пишется как «длинный» и «верный». *Долог долг служилого, вечна присяга*, даже складно звучит, если читать на Облачном наречии. Но когда я извлёк из ларца ворох старых рукописей, расправил, пробежал глазами...

— А-а! — только и смог выдохнуть, вместо здешнего приличного «аварэ».

Батюшка Дзэхэй поднял глаза от своей работы: что там такое?

А дело в том, что стихи и личные послания монах Камэй своим общинным именем не подписывал. Ставил другие два знака. Тоже «длинный» и «правильный», Тёги — имя на материке знаменитое. Так прозывался один из самых ловких пройдох китайской древности, это он говорил, когда еле живой выбрался из темницы: пока язык мой цел, жалеть мне не о чем. В прежние годы, когда ещё и не помышлял об Облачных островах, я и сам частенько этим именем пользовался. Правда, больше для крамольных воззваний. Если уж надо выбирать что-то одно, я, наверно, предпочёл бы руку, а не язык, но... Собственно, когда придумывал, как назваться по-Облачному, я те же знаки и задействовал, слегка переиначив.

И вот на тебе. Судьбоносное совпадение? Или...

— Изумительный почерк, — говорю.

Тут в самом деле есть на что посмотреть. И потягаться. В материковом письме монах был мастер. А другого и не знал: при жизни Камэя, кажется, Облачную азбуку ещё не изобрели. Как видно, питал пристрастие к редким словам и смелым сочетаниям, наподобие тех старинных поэтов, кому он подражал.

— Я слышал, — молвил батюшка, — у досточтимого якобы встречаются знаки материкового образца, но не усвоенные из книг, а измышленные им самим. Я сомневаюсь, что он пустился бы на подобные вольности. Проверь: авось найдёшь, у кого они взяты. Если всё-таки ни у кого, а из головы, то замени их на другие.

Доверие обязывает. Сижу тут в чиновничьей шапке, с печатью у пояса, бывший заморский мелкий жулик — и мне доверено единолично решать, какие знаки есть в китайском письме, а каких нету!

Старые сборники составлялись кое-как. Два свитка склеены из лоскутьев, а ещё приложено десятка три-четыре отдельных листков. Ни предисловия, ни заключения, разбирать всё это по разделам тоже придётся мне. Некоторые стихи явно оторваны от длинных посланий. Что уж там было сказано, слишком личное или слишком важное для державы, мы теперь не узнаем. Но те, кто рвал, не потрудились обозначить на обрывке год, день и имя получателя.

И всё это надобно привести в порядок до весеннего равноденствия. Меньше чем за три месяца. Никто не упрекнёт главу Книгохранилища, что тот родичам поручает работу полегче...

И вот со всем этим в голове возвращаюсь со службы домой на Восьмую улицу — и обнаруживаю, что у жены под одеялом около жаровни устроился... как бы это сказать? Старший её родич, он же бывший муж — а мне-то кем приходится молодой господин Асано? Нет в Облачном наречии названия для такой степени родства, хоть само явление, так сказать, и нередко.

Сидит свободно, рядом — моя тушечница и бумага. Но ничего не пишет, а держит на руках дитя. Тоже моё! И это уже безобразие: вдруг уронит, навыка-то у него нет! Так что я сына мягко отобрал и уже с младенцем в охапке почтительно приветствовал гостя.

— Давно не имел счастья видеть тебя. Откуда нынче?

— С северо-востока, — отвечает.

В устах господина уполномоченного по обрядовым вопросам эти слова могут означать не просто сторону света. Порой их вернее было бы толковать образно: оттуда, мол, где опаснее всего. Откуда обычно являются бесы и прочая нечисть.

Зато он отменно трезв, и это радует. Пополнел, посвежел на разъездной службе. Быть может, ему и вправду вреден воздух Столицы?

Жена убирает со столика пустые чашки, отправляется на кухню за новыми.

— Как нельзя кстати, — говорю гостю. — Ты человек сведущий в храмовых делах. Хочу тебя спросить о подвижнике Камэе. Он вообще кто был?

— В двух словах не ответить. Родом он из-за пролива, из тех краёв, откуда тесть наш с тобой. Учился в Южной столице, а странствовал по всей стране. Смолоду явил немалые дары: как сочинитель и как заклинатель. Был в милости у государя, что правил в годы Ясной Радуги...

— Почти ровно сто лет назад?

— Да. И по высочайшему велению был отправлен учиться на материк. Возвратился и продолжил странствия по Облачной стране. Состоял в переписке с

наследником, каковую тот не прервал и по воцарении. Тёмный поэт, грозный бесогон, многократно подозревался в крамоле.

Вот это неудачно. Придётся разбираться, что в те годы считалось крамолой.

Жена тем временем вернулась, принесла поесть и выпить, а сама взяла маленького. Я налил гостю, отведал сам, и с кувшинчиком в руке спросил:

— А не знаешь, почему его именно сейчас решили произвести в Великие Учители? — и рассказал о высочайшем предписании.

— Я не знал, что решение принято. Но сколько я себя помню, в Обрядовой палате слышал такие разговоры: почтить Камэя, одарить какой-нибудь из основанных им храмов... Почти всегда это означало: и пусть гора Эй, Облачная роща и прочие знаменитые обители скушают гриб.

Что-что?

— Виноват! Не узнаю, откуда строка.

— Это не книжное выражение. Скрутят языки в трубочку, если угодно. В общем, вынуждены будут смириться и молча досадовать. При жизни Камэй им всем напакостил основательно. Ибо был в суждениях прям и резок, как на общинных заседаниях, так и при дворе. Мог себе позволить! Нет примеров, видишь ли, чтобы кому-нибудь из его современников на зов змии водные отзывались. А ему — да, и не раз.

— А когда сей подвижник скончался?

Асано медлит. Супруга объясняет:

— Многие говорят, будто досточтимый Камэй Попрошайка до сих пор не умер. Хотя ему было бы сейчас почти полтора года лет. Бродячие монахи этим поверьем вовсю пользуются, особенно в Южной столице.

Да. И в грамоте Обрядовой палаты не сказано: «посмертно». Я-то думал, это потому, что слово злое. А может, оно и по сути неуместно?

Жена продолжает:

— К тому же Камэй ещё и прорицателем был. А теперь пророчества в ходу. Я вот как раз поминала про того глухонемого, что недавно возговорил...

Знала бы ты, госпожа с Восьмой улицы, как твой брат во хмелю отзывается об этом пророке! Мошенник, мол, он, втируша, искатель и смутьян. Я, честно говоря, даже не понял, откуда такая злость: насулил, что ли, этот глухонемой что недоброе шурина и его молодой жене?

— Так или иначе, почерк у досточтимого Камэя был исключительный, а рукописей он оставил немало. Так что ближайшие месяцы этим мне и предстоит заниматься.

Собираясь восвояси, господин уполномоченный прихватил с полу листок бумаги. Облачные буквы, бледная тушь, и к тому же вверх ногами, но я успел прочесть:

*Будто в Отрадных горах, где над пропастью мост из веревок:
Пусть и неверным путём, главное — вместе идти...*

И какое сюда подобает посвящение? «Прежней возлюбленной»? «Приятелю-китайцу»? Или — обоим?

4. *Средний советник Намма, глава сыскного отдела Полотняного приказа*

— Обоим! Очень срочно, говорят!

— Так пусть оба и заходят, — кивнул советник Намма. — Даже если господин Левый конюший и его сослуживец явились покаяться в десяти тысячах злодеяний, это не причина сразу прибегать к раздельному их допросу. Погоди... Насколько они трезвы?

— Удивительно молвить, но — вполне! — отвечает привратник.

— Ну так проси.

Должностные злоупотребления Левого конюшего Оданэ, известные Полотняному приказу, действительно исчисляются тысячами — особенно относящиеся к той поре, когда он был наместником Подгорного края. Но что ж могло склонить его к раскаянию? А вот, заявил, что он и его подчинённый Тамба пришли с повинной.

Впрочем, выглядят оба так, как и следовало ожидать. Молоденький Тамба — в зелёном должностном платье, трепещет, потупясь. Господин Оданэ — в шапке набекрень, с двойным неуставным воротником, едва поклонившись, взмахивает рукавами и громогласно возвещает:

— Ничего не могу поделаться, господин средний советник: ну мы с этим охламоном и попали!

Тамба, как успел уточнить следователь Намма, пока привратник приглашал посетителей, в Конюшнях отвечает за подковы. И что же он натворил? Изуродовал копыто любимому государеву скакуну? Или пьянствовал с Оданэ прямо на службе, тот весь запас подков молодецки разогнул, а обратно согнуть не смог?

— Мы бы дело как-нибудь решили на месте, но молодой Тамба, видишь ли, дружок моего младшего, и того же замеса — верен долгу и болезнен совестью. Этак я его прикрою, а он потом к вам в Приказ тайком каяться побежит... Так что я прямо скажу: виноват я, не досмотрел! Заслуживаю тысячи смертей!

Тамба, кажется, уже сам не рад, что решил в чём-то признаться. Ёжится и чуть не плачет. Не исключено, что ради этого всё и затевалось.

— И что же произошло?

— Да он печать где-то посеял!

Будь оно всё неладно. Левый конюший умудрился-таки не только своего подчинённого сегодня привести в ничтожество. Он и среднего советника Намму устыдил. Потому что мог бы сыщик и сам заметить, чего недостаёт на поясе у молодого чиновника, в остальном одетого строго по правилам.

Невнимателен, что само по себе плохо. А ещё, хотя помещение сыского отдела освещено, как обычно, — кажется, будто свет какой-то мутный. Глаза начинают подводить, пора озаботиться снадобьями? Или просто тут слишком грязно. К Новому году двери и окна поменяют, авось, станет светлее от новой белой бумаги. Да и потолок не мешало бы обновить. И циновки. То есть опять убирать все грамоты и столы, пересаживаться в соседний отдел...

И это будет в шестой уже раз с тех пор, как сыщик Намма тут служит. А в прошлый раз, когда меняли потолок, он уже занимал свою нынешнюю начальничью должность. Кажется, совсем недавно... Как же это уныло: видеть обветшавшими собственные нововведения.

— При каких обстоятельствах была утрачена казённая печать? — спрашивает Намма, кивая писарю. Тамба пытается что-то ответить, но не так-то это просто, если господин Левый конюший затеял признание:

— Понимаешь ли, стыдно молвить. На своём веку со многими я выпивал и во многих местах. Иные и поминать не хочу. Разные потери случались: и кошельки пропадали, и личные письма, порою и без штанов просыпаться доводилось нам с сотрапезниками... Но вот такого не бывало — чтобы прямо у меня на крыльце, у моего подчинённого, юного, можно сказать, подопечного пропала печать! И всего после третьего жбанчика! Потому что после второго я её у него на поясе видел, как сейчас помню!

— А кто ещё разделял тогда с вами веселье?

— Человек вне всяких подозрений. Он и не пил вовсе! Потому как это был досточтимый Нэхамбо.

— Но он, по-моему, раньше ушёл, — робко вставляет Тамба.

— Именно! Потому нам и пришлось прикончить самим третий жбанчик — досточтимый-то отказался, так мы за него. Иначе бы воздержались, ибо молодёжи необходимо знать меру.

То есть в дело замешан ещё и монах Нэхамбо. Осведомитель младшей Государевой супруги, её родни из Подгорного дома, храма Облачной рощи, самого Наммы — и ещё незнамо чей.

— Чего именно ты недосчитался: только ларчика с печатью? Пояса со всем, что на нём висело? Или ларчик никуда не делся, но оказался пуст?

— Пояс остался, — говорит Тамба, — а печать пропала вместе с коробочкой. Шнурок оборван был.

Оданэ перебивает:

— Я тоже решил было: зацепился за что-нибудь, оборвал... Но мы весь дом и двор обшарили, даже прудовое дно. Мы на зиму-то пруд спустили... Нет нигде! Ну, разве что в нужнике... Но печать — она тяжёлая, водой унести не могло. Зову золотаря с Восточных холмов, он проверил — нету! А Тамба уже весь виной, понимаешь ли, изошёл. Ладно, говорю: раз уж золотарь не справился, пошли в Полотняный приказ!

Когда-нибудь, когда придёт пора обличить Левого конюшего... В измене, в намеренном осквернении Дворца, в разорении конюшен... Тогда Намма ему всё попомнит.

Тамба мямлит:

— Я же... Если кто-то её успел подобрать... Он же ею может воспользоваться... Даже преступно. Под моим именем и должностью.

В этом юноша прав.

— Кто-нибудь посторонний был в усадьбе в час вашей пирушки?

— Никого, все свои! — заверяет Оданэ.

Но Тамба взглядывает на него. И бормочет робко:

— Живительный источник?

— А ведь верно! Нет, господин средний советник: если мне этого малого придётся выставить, возьмите его к себе в Приказ! Он даже в пьяном виде памятлив.

— Что за источник?

— Да это досточтимый начал. Упомянул про живительный источник в Привольном краю, будто бы долголетию способствует. И ещё на той воде брага хороша. А я говорю: вода важна, конечно, но главное — закваска! Поспорили, я спрашиваю: а возят это зелье в Столицу? Или не довозят, тухнет оно по дороге? Нэхамбо мне назвал такого-то дядьку из Привольских, который тут в городе своей выпивкой торгует. Я за ним и послал. Только... Нет! Не помню, чтобы носильщик к нам близко подходил. Как положено, жбан оставил, поклонился, да и пошёл. Или помешкал ещё? Не помню. Впрочем, всё равно: кабы он сено сбывал, упряжь или какой ещё конюшенный товар — ему бы наша печать пригодилась. Но для браги?

— Дальнейшего могу не записывать, — Намма подаёт знак своему помощнику, — но прошу ответить честно: что ещё было в ларчике, кроме печати? Тайное письмо, ценные пилюли, несколько монет на крайний случай, драгоценная жемчужина?

Тамба отчаянно краснеет, хотя, казалось бы, уже краснее некуда:

— Нет... не пилюли... — и бросает отчаянный взгляд на своё начальство.

Оданэ поднимает бровь, потом ухмыляется, хлопает в ладоши:

— То снадобье?

Юноша кивает.

— Ну, хорош! — Левый конюший вновь поворачивается к Намме. — Это я ему и дал. Китайское зелье. Чтоб бабы любили. Из жёлчи шестипёрой рыбы. Ну, все

ясно с тобою, Тамба. Вот отнесут эту дрянью твоей зазнобе, скажут: изволь поглядеть, барышня, какие зелья твой ухажёр с собою носит. Не изволь, мол, сомневаться: вот она, печать, имя-должность, а без шестипёрки ему, выходит, не обойтись! Позор на всю Столицу!

— Ну, если это действительно так, — говорит Намма, — то печать, видимо, скоро пришлют обратно. С просьбой оную красавицу более не беспокоить. Если это шуточки кого-то из челяди — то печать вместе с лекарством вскоре обнаружится на самом видном месте...

Тамба с ужасом косится на Оданэ. Кажется, в этакое розыгрыше он готов заподозрить вовсе не челядинца.

Намма продолжает:

— Искренне надеюсь, что зелье ваше никто из лошадей проглотить не успеет. Если же кто-то китайское снадобье высоко ценит и польстился именно на него — то, боюсь, печать он уже в реку выкинул. В любом случае похвально, что сообщили. Если найдётся, тоже дайте знать. Вам сегодня доставят выписку из постановления Полотняного приказа: «С такого-то дня грамоты, помеченные такой-то печатью, считать недействительными».

На том и расстались. Где живёт торговец из Приволья, вернее будет спросить у самого монаха Нэхамбо.

5. Намма Садаёри, делопроизводитель Полотняного приказа

У самого монаха Нэхамбо, осведомлённейшего человека в Столице, спрашивал делопроизводитель Садаёри, сын следователя Наммы: «Откуда взялся прорицатель?» Так толком и не выяснил. Родня оного Мивы — не то чтоб видные люди, сам этот малый и впрямь до последнего времени всеми почитался за непритворного глухонемого, а тут внезапно исцелился. Милостью Великого Властителя Земель, говорят, — хотя у святынь тех и раньше бывал, да помалкивал. На вид и сейчас — пусть не дурачок, но и на умника не похож. И одержимым не выглядит. Впрочем, редко кто одержим постоянно.

Намме-младшему он прорицать не пожелал, а тестю его, царевичу Оу, только проронил будничным голосом: «Успеется». Но царевич возрадовался: значит, мол, получится довести до конца великое дело — Государев изборник, над коим он много лет уже трудится. И теперь, коли заходит во дворец или в городе речь о прорицателе, царевич важно кивает и веско говорит: «Великий дар!» И кабы он один...

А речь заходит всё чаще, особенно с тех пор, как этого Миву удостоил внимания сам Государь Западный Ветер. Беседовал с ним и наедине, и в присутствии главы Обрядовой палаты, старого господина Асано. И это, к

сожалению, значит: правда прорицатель, не мошенник. Обман в подобных делах Властителя Земель разгневал бы, но не опечалил, не встревожил. По крайней мере, настолько сильно. Ни один доклад делопроизводителя Наммы так не действовал — даже о вещах важных и удивительных. Хотя, может, это и хорошо...

Но спросить прямо ни у Государя, ни у господина Асано, конечно, немислимо. Не ответят — и сам вопрос не одобряют. А будет ли иметься в виду «Не твоего ума дело!» или «Скверный ты сыщик, если сам не понял», — уже не так важно.

Нет, прав отец, что терпеть не может любые дела, связанные с чудесами. Ни у кого в семье Намма к ним душа не лежит — даже у сестрицы на самом-то деле, хоть она женщина и взбалмошная. Был у неё муж, знаток храмовых чудес, — так разошлись. Нынешний её супруг, хоть и с материка родом, и сам порой ведёт себя под стать ей — но всё же человек трезвый, положительный, только прикидывался шалопаем. И дитя у них смешное.

Пора бы и самому делопроизводителю услышать от жены-царевны хорошие вести. Но пока — молчит. И прорицатель Мива не пожелал ничего об этом сказать.

Намма-младший гуляет кругами по саду. Снега уже нет, мокрая земля пахнет кислым, однако и почки на сливовых ветках пока не налились. И к лучшему: едва покажутся цветы, от сочинителей житья не станет. Каждый долгом своим сочтёт воспеть весну, на материковом наречии и на Облачном, и чтоб царевич выслушал и вынес суждение. Даже любопытно: сколько цветений надо отобразить стихами и песнями, прежде чем тебя перестанут считать молодым дарованием? Иные из этих, всё ещё многообещающих, раза в два старше делопроизводителя...

Нынче, правда, гостей всего пятеро. Сидят, не смущаясь отсутствием хозяина, обсуждают новости из Книгохранилища. По Государеву велению вынуты из-под спуда труды монаха Камэя, в том числе забытые или даже запрещённые когда-то. Разумеется, наши ценители уже раздобыли списки двух-трёх стихотворений. Из рук вырвали, можно сказать, у переписчика. Проходя ближе к дому, Намма Садаёри слышал, как читают нараспев:

*Славно выпили друзья,
Возвеселились,
Словно бы бессмертные
На круче Хорай...*

На слух делопроизводителя — ничего особенного, сто лет назад все примерно так сочиняли.

Стихотворцы эти живут и впрямь как бессмертные. Скоро Новый год, а никто из них не боится, что его с должности снимут за прогулы и нерадение. Или направят в дальние земли просвещать дикарей. Правда, повышения тоже, кажется, никто не

ждёт. Да и нет причин: царевич Оу похвалить может, в Изборнике место дать, но по службе продвигать не берётся.

Только обошли меня

Чашей Закона:

Ухожу, отверженный

Со Святой горы...

А вот кто своего места не сохранит в будущем году, так это наместник Привольного края, господин Мино. Ни один стихотворец не мучился так над песней, как делопроизводитель Намма — над тайным докладом Государю о том, что в оном краю увидел и услышал. Как потомственные наместники мнят себя удельными князьками и как нашлись люди, негласно подновляющие Вервие, стягивающее воедино Облачную страну, не прося ни чинов, ни наград из Столицы. По сути — и то, и другое можно было бы назвать мятежом, присвоением части достояния Властителя Земель. И в то же время — совершенно ведь разные вещи! Одни для себя и родни радеют, другие — для державы... Кажется, получилось. Не то чтобы Государь прямо дал понять: «Разбойник Барамон со товарищи — мои люди, но сие есть тайна!» Однако и не отверг в гневе этой мысли — а в докладе таковая прочитывалась явственно.

— Но полностью чаяния семьи Мино разбиты не будут, — милостиво рек Властитель Земель, вертя в руках доклад. — Старый Приволец прочит на своё место племянника — что ж, пусть тот попробует. Захочет вести дела, как его родичи — за год много бед не натворит, да и присмотр за ним есть. А решит управлять краем должным образом, к разочарованию дяди, — тем лучше.

Наверное, справедливо: не карать молодого Мино, пока тот не наделал собственных ошибок. Но рассчитывать на это не приходится. Дитя черепахи — черепаха, и у делопроизводителя уже есть тому доказательства. Ждут своего часа.

А сам младший Приволец — не такой уж и неприятный человек. По крайней мере, решительный. И по службе преуспевал раньше — ему, наверное, и тридцати пяти нет, а уже средний советник. И не столь чванен, как дядя. Хотя, если Садаёри хоть что-нибудь понял в устройстве дел Приволья, Мино-младший мыслит и действует слишком по-столичному для тех мест. Или придётся ему во всём слушаться дяди, или весь год уйдёт на то, чтобы осознать, во что он влип.

Чистой радости родник

Неисчерпаем,

Кто слова распробовал —

Пьян без вина.

*Краткой жизни нашей вкус
Всюду — солёный.
Значит, слёзным зельем тем
Напьюсь и один!*

Длинно Камэй писал, оказывается. У китайского Ракутэна получалось короче. Ценители каждую строку усердно разбирают, и ночью госпожа-супруга перескажет делопроизводителю, сколько глупостей они наговорили. Она-то сейчас слушает из дому, из-за полога, ей и спор слышен ясно, а не одно мя-мя-мя, как из сада кажется.

Целое море с хорошим товарищем выпить возможно, только нельзя утолить жажду — не важно, чего. Показывать эти строчки господину тестю Садаёри всяко не собирается, стало быть, можно и не досочинять. А если для себя — как бы сказал? Славы? Уж точно не в области словесной. Успеха по службе? Применения для дарований, раз уж они есть? На самом деле, справедливости: для себя, для других, для всех. Она ведь, если верить Барамону, выборочной не бывает.

И вот только задумаешься о своей сути и целях — так сразу, конечно, за воротами орут.

— Помогите!

Намма выглядывает одновременно со старым привратником. Виданое ли дело: посреди Первой улицы в талой грязи барахтаются два человека и встать не могут. Но голос, зовущий на подмогу, — не пьяный, просто перепуганный. И тот, кто кричит, кажется, ещё цел, а вот второй...

Делопроизводитель выхватывает у сторожа фонарь, подбегает, глядит — ну ничего себе!

— Что с тобою, господин наместник?

Если верить своим глазам и выражаться прямо, то стихотворцу по прозвищу Тикурин, наместнику Пещерного края, основательно набили морду. И слугу его тоже не пощадили. Вообще-то это покушение на должностное лицо, хотя Садаёри затруднился бы сказать: когда наместник здесь, в Столице, ожидает новогодних назначений, находится ли он при исполнении служебных обязанностей? Но в любом случае, не бросать же его так. Привратник кликнул челядинцев покрепче, наместника Пещер отнесли в дом. Царевич завтра во дворец не собирался, кровавая скверна, если косвенная, ему не страшна. Ученики же его только рады будут прогулять завтрашний день по уважительной причине. А что до самого делопроизводителя, то когда это Полотняный приказ боялся оскверниться? Намма-младший помогает встать слуге наместника, заводит его в ворота. Пока тот, охая, умывается, — спрашивает.

Тикурин направлялся именно сюда, собирался показать царевичу какие-то новые песни. По-дружески, без свиты, только этот слуга фонарь нёс. И в сотне-другой шагов от цели на них напали неизвестные. Пятеро, рослые, с дубинками, в чудных чёрных шляпах. Фонарь вырвали и затоптали сразу, опознать нападавших слуга не возьмётся. Сбили с ног, исколотили, сорвали с господина пояс, обшарили рукава и скрылись. Городская стража, как обычно, занималась своими делами где-то далеко. У парня, похоже, рука перебита, а что с наместником — надо пойти посмотреть.

б. Средний советник Намма из Полотняного приказа

Надо пойти посмотреть усадьбу на Девятой улице. И с нападением на наместника Пещерного края разобраться, и насчёт Тамбы с его печатью... Тяжёлое утро у среднего советника Наммы — один столько мест не обежишь, а служилых, кому можно доверить расследование, не так много. Особенно когда все три дела имеют нечто общее, и доклад, возможно, потребуется составлять единый.

Впрочем, это разрешимо. На Пещерника напали возле дома Восьмого царевича, и обнаружил его первым Наммин сын и подчинённый. Раз он уже ночью начал разбираться с этим происшествием, пусть пока продолжает. Кажется, мальчику это и самому больше по душе, чем сидеть в Приказе за бумагами. Важно, конечно, и то, и другое, но наследственное сходство не может не радовать.

К изготовителю Привольской браги и к Тамбе (авось тот что-то новое вспомнил) можно отправить младшего советника Сайму. Человек в приказе новый, но ответственный. Тоже из младшей родни Конопляного дома, но в Столице только год служит — переведён из памятной для Наммы Идзумской гавани. К счастью, не заяц-оборотень, хотя и слегка косоглаз. Главное, человек твёрдый и спокойный — если придётся снова иметь дело с господином Оданэ, не сорвётся и не перепугается.

Значит, остаётся третье происшествие прошлого вечера: тоже нападение на чиновника. Младший советник Податного ведомства, из Дождевого рода, известный как молодой господин Амэ. Молодой он по сравнению со старшей роднёю и по повадке — так-то ему уже за тридцать, шестеро только законных детей... Но неприятностей, в которые влипает этот Амэ, устыдился бы и семнадцатилетний. Явился в Приказ сегодня к открытию, в великой тайне от родни. На голове такая шишка, что шапка криво сидит. И рассказал вот что.

Накануне вечером он ехал по главной площади в своих любимых носилках — нарядных и тяжёлых, Озёрной работы. Навстречу движутся другие — лёгкие, узкие, на двух носильщиков. И из-за занавесей свешивается нарядный подол; более того — когда двое носилок поравнялись, в свете луны молодой господин Амэ заметил, как из лёгких высунулась женская ручка и подала ему некий знак веером.

— Даже учитывая все последующие несчастья, не могу не признать: поистине прелестная ручка!

Пренебречь таким внезапным приключением Амэ не смог: велел своим носильщикам разворачиваться и следовать за дамой. А лёгкие носилки свернули сперва на Девятую улицу, а потом и вовсе в переулок — да такой узкий, что носилки молодого господина туда не проедут.

— Не мог же я, понимаете, отступить! Пытаться протиснуться — ещё носилки покорёжу и в любом случае буду выглядеть смешно. И главное, я сомневался, что происшедшее удастся сохранить в тайне. Меня могли заметить знакомые — ещё на площади или на Девятой... Ну и, честно признаться, не был уверен: следую я за прекрасной незнакомкой, или это в сердце одной из тех дам, с коими я давно расстался, зимним вечером всколыхнулись воспоминания о прошлом... Так или иначе, я вылез, взял фонарь и двинулся в переулок пешком...

Ни дамы, ни носилок уже не увидел — только приметил, как затворяются ворота некой усадьбы. Решил, что туда красавица и свернула. Подошёл ближе — забор обвалился, веревки оплетены лозами, всё выглядит ветхо-ветхо... Едва ли дама здесь и живёт — а вот для тайного свидания место неплохое, неприметное.

— Я, должен сказать, почувствовал за этими воротами нечто зловещее. Подумал: а уж не лисьи ли то чары? Все мы слышали, господин средний советник: проведёшь ночь с красавицей в уединённом домике, а проснёшься — ни дамы, ни дома, сидишь на холме, а в нём лисья нора. Но рассудил: во-первых, мне вот не доводилось слышать такого рассказа из уст, так сказать, непосредственного участника — должно быть, любопытный опыт! А во-вторых, это всё же Столица, хоть и окраина — едва ли тут лисьи норы остались... Ворота заперты, но я разыскал покосившуюся калиточку и заглянул...

И получил чем-то тяжёлым по голове. Повезло ещё младшему советнику, что носильщики его решили проверить, чем там занимается господин, не явили обычной скромности. И обнаружили его без сознания, с разбитой головой, в туфлях и исподнем платье. Всё остальное украдено, а в усадьбе мерцают какие-то чудные огоньки... Погрузили слуги Амэ обратно в носилки и поскорее потащили прочь. Не домой, надо заметить, а к ближайшей любовнице. Там он в себя пришёл, оделся во что нашлось, отлежался, а утром — прямо в Приказ.

— Вот в чём дело: у меня же всё пропало! И должностное платье, и пояс, и печать, и, что неприятно, бумаги, которые я прихватил из ведомства, чтобы ещё раз просмотреть дома... Ничего особо тайного — но всё же тревожно... Не случится ли злоупотреблений?

Намма подтвердил: да, злоупотребления возможны, а небрежность младшего советника плачевна. Обещал принять меры, а когда молодой господин Амэ стал намекать, что хотел бы избежать огласки, — ответил неопределённо. Всё равно тот

сам всё разболтает, захочет похвастать приключением, хоть и глупым. Такой уж человек...

Но где была та злополучная калитка, старший следователь расспросил во всех подробностях. И отправился туда лично, для осмотра места происшествия.

Последний снег Намма, похоже, уже пропустил. Сейчас только дождик сеется, над Столицей непроглядные серые тучи. Кто может, сидит по домам, прохожие под зонтами или в соломенных накидках. Ни того, ни другого у сыщика с собою нет, а жаль.

Весна в Столице, воспетая множеством стихотворцев! Который год кряду приходится встречать её здесь. Не в дороге, не на морском побережье, не высоко в горах... Кончились для среднего советника разъезды — до самой отставки место его тут, близ Дворца, а потом, дряхлым да хворым, по стране особо не поездишь...

Усадьба нашлась легко. При свете дня она выглядит не трогательно, а просто неказисто. Калитка настежь, ворота изнутри не заперты, а припёрты большой бочкой. Следов немало и во дворе, и в доме, по размеру все мужские. Допустим, даму из носилок верный слуга вынес на руках — но где опустил? Здание явно нежилое, нет ни постелей, ни жаровен, на кухне пусто и холодно. Вчера, правда, кто-то тут ходил, не разуваясь, с зажжённым светильником: наследил и капнул маслом в пыль в двух-трёх местах. Самого светильника и запаса масла не нашлось. Зато есть фонарь в грязи у забора: видимо, тот, с которым пришёл Амэ. Не будь сейчас сыро, дело могло кончиться и пожаром. Кто бы ни напал на младшего податного советника, вышли они, скорее всего, через ту же калитку. Если платье, пояс и прочее в самом деле украдены — сняли их бережно, ни лоскутьев, ни чего подобного не оставили.

В соседнем доме сыщик Намма нашёл словоохотливого домоправителя. Тот всегда дома, хотя господ его сейчас в Столице нет, служат аж на Цукуси. На вопрос, не замечалось ли прошлой ночью и перед тем чего-нибудь необычного, домоправитель отвечал: да всё как всегда! В усадьбе той нечисто, вот и ходят удальцы, всё смелость свою испытывают, ждут, не явится ли призрак. Чей именно? Прежней молодой хозяйки. Жили-то в том доме ещё четыре года назад господа Безводные...

Кажется, от жены Намма слышал уже эту печальную повесть. Влюблённая барышня, суровый отец, постылый жених, в итоге девица удавилась, а Безводный господин ушёл со службы и принял постриг в дальней обители. За кем сейчас числится дом, надо будет проверить. Ни хозяин, ни кто-нибудь, кто назвался бы его человеком, в последние годы в усадьбе не объявлялся.

— Говорю же: только бездельники, полуночники! Третьего дня я с одним столкнулся у ворот, сам напугался: росту богатырского, с саблей, и то ли борода лопатой, то ли платком пол-лица завязано. Но я не вмешиваюсь, это не моё дело.

Придётся отрядить приказных, чтобы последили за этим переулком. Место для ночных безобразий самое подходящее.

7. Сыщики Полотняного приказа

— Самое подходящее место! Подворья огромные, сторожа дозором ходят, но вдоль заборов, конечно, не стоят. Если не соваться к самым воротам, делай, что хочешь. В двух шагах от Дворца, но вот хватает же негодьям дерзости!

Получается, Первая улица ничуть не безопаснее дальних закоулков.

Делопроизводитель Намма-младший искренне возмущён. И, надо признать, расстарался и ночью, и с утра.

— Лекаря вызвали ещё до возвращения Восьмого царевича, потому что пострадавшие выглядели скверно. У слуги рука сломана, у Пещерника кости вроде бы целы, но избит сильно. Я его когда увидел, он был без сознания и в крови, будто его резали. Хотя оказалось — обошлись дубинами. Слуга же ещё и сопротивлялся... Кстати, он говорит: лиц не разглядел, но палкой от фонаря успел крепко заехать одному из нападавших по лицу, может, даже глаз выбил. Фонарь и палку я нашёл — глаз не глаз, но рукоять действительно в крови. И волосок короткий прилип, как из брови.

— Молодец, — говорит средний советник Намма. — А в котором всё-таки часу всё это было?

— В начале часа Собаки.

— На Дождевого на другом конце города напали в час Кабана, со следующим боем барабана. Или орудовала другая шайка, или та же самая, но тогда она многолюдна. Надо же было ещё подготовиться, носилки найти, подстеречь... — размышляет следователь Намма.

Сын его кивает:

— Так на Первой улице тоже явно не случайные грабители. Пещерный наместник шёл к царевичу со стихами — это надо было знать, чтобы устроить засаду где следует. Или, наоборот, за ним неотступно следили, дожидаясь удачного случая.

— У Амэ с собою были казённые бумаги, их ценность понятна: если ему предложат их выкупить, он согласится и от всех постарается пропажу скрыть. Но у наместника — стихи, он наверняка помнит их наизусть; какой смысл похищать?

— А больше ничего ценного у Дождевого тоже не было?

— По крайней мере, так он говорит.

— Я на всякий случай расспросил, — сообщает делопроизводитель, — нет ли у наместника в Столице врагов, завистников и так далее. Царевич его песни хвалил, а на что способны ревнивые стихотворцы — кто знает? Но это мало что даёт: не сами же они его били бы, а наёмники какие-нибудь. Однако я ещё раз проверю. В

Пещерном же крае врагов наместник нажил наверняка, при его-то нраве и обычаях. Но если это мстители аж оттуда добрались до Столицы, изувечить, лишь бы его вновь к ним не прислали...

— А почему ты считаешь это вероятным?

Намма-младший, кажется, смутился:

— Это только предположение... Но вот что любопытно: у Дождевика-то, казалось бы, и в Столице должно хватать недругов! Соперников, бывших возлюбленных с разбитыми сердцами и прочих недоброжелателей. И напали на него в глухом месте, на окраине. А он отделался, выходит, куда легче.

— С ним правда похоже на подготовленное ограбление. Но совпадение по времени, конечно, настораживает. И у обоих, так или иначе, пропали пояса и бумаги...

Разговаривают два Наммы не в общей Приказной зале, где сидят писаря, а в тесной выгородке для начальника. Не ради тайны, а чтобы не мешали. Но тут заглядывает рассыльный:

— Господин младший советник прибыл!

— Очень хорошо, пусть зайдёт, — кивает господин Намма.

Делопроизводитель вскидывает взгляд — не позволят ли ему остаться? — но отец такого знака не подаёт. Ладно, потом можно будет узнать или даже сейчас из-за перегородки подслушать.

Младший советник Сайма, как всегда, начинает без предисловий:

— Один из них врёт. Или торговец брагой, или слуга Оданэ. Торговец говорит, что никакого носильщика в лавке нет и не было. Слуга — что в лавке же ему носильщика и представили. Описывает мелкого мужичонку, на вид не столичного. Вроде тех, кто у кабаков крутится, услужить за выпивку. Но возле лавки Мино и такого малого не припомнят. Или врут. В усадьбе Оданэ служанки вспоминают: на Тамбе пояса к тому часу, может, и не было уже, рядом на крыльце валялся. Хозяин вообще был в домашнем, его печать цела.

— Он тебе показал?

— Он её на мне чуть не поставил. Ему ж не печать важна, а над парнем покуражиться.

— Да? А не мог господин Оданэ сам прибрать печать у подчинённого? Шутки ради, в назидание или по злобе?

— Думаю, мог, — спокойно отвечает Сайма. — Тогда её не в пруду у них, а в реке впору искать.

— Что-то ещё?

— Две вещи. На пути к Мино слугу Оданэ двое заметили. На обратном пути ни его, ни носильщика никто из соседей не видал. Или я пока не нашёл свидетеля.

— Так. А второе?

— Я в лавке у Мино дважды побывал, сверял показания. Во второй раз подходит старшой из тамошней охраны. Что за розыски, как, зачем — а потом предложил содействие. Взаимобразно. Говорит, он нынче частным порядком тоже кое-что разузнаёт, похожее. Этот малый просит о встрече с начальством: пришёл со мной, под внешними воротами ждать остался. Я-то ему ничего не обещал.

— И что за охранник? — наклоняет голову Намма. Трудно говорить с человеком, кому не заглянешь в глаза по-простому, по-приказному. А люди из Западной столицы, не важно, косоглазые или нет, все имеют неприятное свойство: уходить от прямого взгляда, даже когда лица не прячут.

— Моих лет, — отвечает Сайма. — Звать Рокубэем. Высокий, крепкий, похож не на лучника, а на сабельного бойца. Не трусит, не заискивает. По выговору — из Приволья или рядом, но уже давно в Столице.

— А пожалуй, я к нему выйду, — говорит Намма.

Только перед уходом надо распорядиться: пусть рассыльный срочно обойдёт дома Оданэ, Пещерного наместника и Амэ, передаст настоятельное увещевание: если поступят предложения выкупить украденное, соглашаться и немедленно известить Приказ.

А вдруг шайка одна, и назначит встречу всем на одно и то же время и в разных местах? Где мы наберём людей для поимки? Придётся со стражей договариваться, а это всегда обременительно.

Около ворот действительно стоит рослый малый лет тридцати. При виде Наммы кланяется: кажется, узнал начальника по должностному платью.

— Ты из Привольного дома? — спрашивает средний советник.

— Служу им. Я так понял, носильщик, кого Приказ ищет, украл что-то казённое?

Намма не отвечает, смотрит выжидательно.

— У моего господина, молодого Мино, неприятности, — признаётся Рокубэй. — И тоже казённая пропажа. Я веду розыски, кое-что накопал, потом зашёл в тупик. Тот забулдыга, кого ваш сыщик описывает, у меня пока не мелькал, но я присмотрюсь. Объявится — придержу для вас.

— Спасибо, — кивает следователь. — А что ты хотел бы узнать?

— А та, другая пропажа... Это не должностная печать была?

Беседа обещает быть содержательной.

— Объясни, почему ты спрашиваешь.

— А господин средний советник, наверное, уже знает. У молодого барина нашего именно печать украли.

— Уверен, что украли? Потеряться не могла?

— Украли, а на её место подложили чужую. Четыре дня назад господин это обнаружил. Когда пропала настоящая, не знаю.

— Подложили другую должностную печать? Или подделку? На ней означено чьё-нибудь имя?

— Я же сказал: чужую, — повторяет Рокубэй едва ли не по слогам. — Младшего писаря Кабуто из Календарной службы. Я проверил: такой человек в Столице есть. Побывал у него. По его словам, его самого недавно ограбили, тем делом стража занимается. Сам он человек никудышный, но тем обиднее.

Может быть, это и везение, думает Намма. Столичная стража Приказу о своих действиях сообщает только в самых крайних случаях. Если нападения на чиновников продолжаются уже какое-то время... И жертвы, особенно те, кто в невеликих чинах, с Приказом связываться побоялись, на службе умолчали о пропаже печатей, но к стражникам обратились... Или — не хочется и думать — стражу вызывали по случаю убийств, тяжёлых увечий, налётов на дома...

— Хорошо. Мы тоже займёмся этим писарем. Его печать у тебя?

— С собой нет, могу принести. Тут ведь вот что: Кабуто этот в своей должности много лет и ещё столько же просидит, если не сопьётся. А молодому господину после Нового года печать, может статься, сдать потребуется.

То есть Мино-младший ожидает нового назначения. И это единственная причина, по которой следует озаботиться наличием должностной печати. Замечательно! Странно же другое. Календарщики – люди сугубо скрытные, можно было бы ожидать, что пропажу станут разыскивать, исчисляя движение созвездий, но этот обратился в стражу.

— Не знаешь, — спрашивает средний советник, — а до какой степени писаря ограбили? Чего ещё он недосчитался помимо печати?

— Оставили ему, по его словам, только тапки на крыльце. Да и то по случайности: забыли, видно, которые — его. Там много было посетителей. Это за стеною, в предместье, заведение держит некая тётушка Шелковица.

8. Дзэхэй-младший, переписчик из Книгохранилища

Тётушка-шелковица, тыква-сестрица,

Каждая по-своему хороша весьма.

Но прошу условиться, договориться:

Первая красавица — девица хурма!

И — сотни строк в том же роде. Положим, досточтимый Камэй мог сочинять, что вздумается, кто бы ему запретил. Но для кого он это переписывал изящным почерком? Зачем такие грамотки сто лет берегли в Государевом Книгохранилище? Я их, конечно, воспроизведу в точности, но разве для сборника они годятся?

Лучшие стихотворцы Столицы стали захаживать к нам и поутру, и вечером. Что нового нашлось? Нельзя ли списать? Или хотя бы прочесть, попробовать запомнить? Сами как попрошайки. Продать листочек прямо из старинной рукописи пока предлагал только один почитатель: хорошие шёлковые штаны посулил взамен. Пришлось с негодованием отказаться. Я же не знаток, просто переписчик, ещё не знаю, какие тут подлинные творения Камэя, а какие подложные.

Разбредаются по Книгохранилищу, каждый раз приходится предупреждать: на полки не опирайтесь, всё рухнет! Обстановка тут ветхая, а коробка со свитками тяжёлые. Их в Облачной стране круглыми делают, в виде бочонков, в каждый влезает по девять свитков. Беда, что прежние книгохранители, кажется, заботились больше о том, как место выгадать, свитки от разных книг пихали в один бочонок. Запомнить, где что лежит, непросто — и вовсе невозможно, когда перекладывают без спросу! А поэты нет-нет да цапнут какую-нибудь рукопись посмотреть. Отрадно, ежели досточтимый Камэй их заново побудил обратиться к чтению — но, право слово, лучше бы сидели по домам да сами сочиняли.

К Новому году это нашествие должно кончиться. Не потому, что Камэй им надоест, а просто они же все чиновники, им станет чем заняться. Сейчас-то все ждут новых назначений, дела отложены, каждый начальник судит так: если дело важное, так пусть им занимается тот негодяй, кого на моё место назначат, а ежели меня не сместят, уж тогда и займусь; ну, а прочие дела можно и вовсе замотать по такому случаю. Дескать, затерялись... Хорошо, что в своё время батюшка до зимы успел все грамоты получить, чтобы меня в сыновья принять.

Сегодня попался хороший листок. Кто следующий явится, того спрошу: вот это что значит, как думаешь? *Чуют пташки первое, ищут второе: подменили, не узнать родного гнезда!* Я бы и сам не догадался на слух, да мало ли что возвышенное Камэй подразумевал. Оказалось, загадка простая, надо слоги подменить, то есть переставить. Первое тогда — «весна», а второе «навес», где птицы в городе селятся. И ещё тут несколько перевёртышей, к самым сложным киноварью приписаны ответы. Для себя я их всяко спишу: когда маленький подрастёт, надо будет ему загадать.

Увлечательную жизнь вёл монах Камэй, если верить его стихам. Пьянствовал, распутничал, гадости сочинял про вельмож и воевод. И я ещё наверняка не все его намёки понимаю. И по каким дневникам чиновничьим искать теперь, которое прозвище относится к кому из высоких особ?

Иные стишки прямо напрашиваются, чтобы к ним картинку нарисовать:

Ночью я разбойника

Грозного встретил:

Разочарование

Постигло его:

*Пусто в драных рукавах,
Пусто в бутылке,
Вскроешь сердце и живот —
Пустота и там!*

*Нынче милостыни всей —
Мелкая вошка,
Да за пазухой стихи,
Парочка листков.*

*Можем вместе разучить,
Голос подходит!
Если чаркой угостишь,
Сочиню ещё.*

Вообще же, я бы сказал, у людей Облачной страны складнее получаются песни на собственном наречии.

— Отвлекаешься? — спрашивает господин-батюшка.

Как он подошёл, я и не слышал. Вот так, наверное, и на родине у меня большие князья не могли уследить, как подкрадывается приезжий книжник, как заглядывает через плечо в тайные грамоты...

Взял листок, проглядел. Там написано: *За лисицей не ходи в кущи и чащи: в норах холодно, небось, под зимним дождём! Ездят нынче в городе в лёгких носилках лисы дивной красоты в узорных шелках. Мнил себя охотником — тут и попался: не заметишь, как с тебя шкуру обдерут.. И в конце: Возвращайся уж домой: детям расскажешь, как тебя увещевал плешивый барсук!*

— Почему отвлекаюсь?

— Понимаю, соблазн велик. Слогом и почерком Камэя переложить что-нибудь из злободневного. Но не кажется ли тебе...

Перебиваю непочтительно:

— Но это правда Камэй! Вот отсюда переписано.

Горько видеть такое недоверие! Хотя, признаю, я давал поводы, и не раз. В конце концов, не умел бы я подделывать грамоты — господин Дзэхэй меня к себе и не взял бы. И сейчас не успокоится, пока не пройдёт по старой бумаге мокрой кистью — без туши, просто водой. Кабы знаки были новые, расплылись бы. Если уж начистоту, то есть один способ, как тушь состарить часа за два, но тогда и бумагу надо особую брать, а не от ветхих свитков отрывать.

— Вот ведь совпадение... — молвит батюшка. — Лисы — ладно, кто с ними красавиц не сравнивал. Но зимний дождь?

— А при чём тут дождь?

— Тут, видишь ли, в Столице сегодня обсуждают молодого господина из Дождёвого дома. Похоже, он сам тот слух и пустил, не удержался. Мол, увидел на улице красавицу в лёгких носилках, да такую, что заподозрил в ней лисицу. Начал преследовать, она его заманила в какие-то таинственные развалины — там он и лишился чувств. А очнулся — ни красавицы, ни носилок, ни его одежды, пояса и всего прочего. Правда, о монашеском увещевании вроде не поминалось...

— Я так понимаю, что здешних барсуков вообще распознать сложнее, чем лис, местных же или материковых, — отвечаю с почтительным поклоном. Могу же и я на подозрение ответить подозрением? — Но, конечно, и впрямь неожиданно! Любопытно: не за то ли так любят Камэя, что его стихи всегда злободневны?

— Как и положено бессмертным строкам. Ладно, продолжай, не буду мешать.

И до самого вечера мне это казалось забавным совпадением. Иначе не получается. Прочитать стихи про лисиц вчера и вдохновиться ими тот господин точно не мог: я сам до них только сегодня утром добрался. Разве что другие списки ходят — но, как и указал глава Книгохранилища, с тем же успехом это могли быть и чьи-нибудь ещё стихи схожего содержания.

А вернулся домой — у нас сидит господин тесть и обсуждает с моей женою, как у них водится, служебные хлопоты Полотняного приказа. Покушение на убийство: ночь, разбойники, ограбление, причём у жертвы, по её словам, с собою не оказалось ничего ценного, кроме стихов.

— И что, — вмешиваюсь, — это не выдумка, а правда на человека напали?

— Напали, избили, слугу его вообще изувечили. И, похоже, случай этот связан с двумя-тремя иными. Прости за нескромный вопрос, Рэй, то бишь Хисаёси: вот среди твоих китайских приятелей иные, думается мне, знают все притоны в городе и окрестностях...

— Господин средний советник!..

— Это я не в укор, а по делу. Не слыхал от них случайно о заведении, которое держит сводня по кличке Тётушка Шелковица?

Тут я и сел.

9. Делопроизводитель Намма-младший

Сел бы ты и подумал, делопроизводитель Намма — авось что и пришло бы в голову. Так ведь некогда! После того случая с Пещерным наместником второй день бегаю — между его усадьбой, Приказом, домом господина тестя, на всякий случай заглянул и в лисье логово на Девятой, хотя там отец уже всё осмотрел, конечно.

Посетил, одевшись по-разгильдяйски, два кабака и одну харчевню за городскими заставами: мол, имею недруга, хотел бы с ним счёты свести умелыми руками. В обоих кабаках посмотрели косо и заявили, что такими делами не занимаются; в харчевне подсел громила с расплющенным носом, поел за мой счёт бобовой каши и начал торговаться. Я намекнул, что мне надобны люди, что не побоятся помахать кулаками и на первых улицах. Тот только фыркнул:

— Те, что ли, которые третьего дня там какую-то большую шишку отделали? Это не наши, и мы за такое не берёмся. Выманишь своего супостата из города, господин, — тогда ребята к твоим услугам. А близ дворца — больно уж там приметно. Мы ж люди простые...

— Значит, на Первой не ваши были. А чьи?

— Откуда мне-то знать? Вообще не здешние, я слышал. Или — столичные, но работают не за плату, а за содержание.

— На кого — не слыхал?

Не надо мне было упорствовать. Дитина что-то заподозрил, поспешно не сошёлся со мною в цене и был таков. Но хоть что-то...

По поводу раны, которую слуга Пещерника нанёс одному из нападавших, я расспросил лекарей. Нет, говорят, с выбитым, глазом или рассечённой бровью никто в эти два дня не обращался. Два лекаря заявили, что и приди такой раненый — они бы связываться не стали, как люди приличные. Один заверил, что обо всём подобном немедленно извещает городскую стражу уже семь лет — и готов договориться о подобном и с Приказом. Ну, тут пусть батюшка решает, нужно ли нам такое.

Но, думаю, если лекаря у нас настолько законопослушны — что делать раненому разбойнику? Мог бы заняться самолечением — тогда мне придётся обходить ещё и все лавочки с лекарским товаром, на что никаких ног не хватит. Мог поискать лекаря подпольного, неболтливого; или попытаться обойтись молитвой. Тут-то я и вспомнил, что и то, и другое удобно сделать в одном и том же месте. И отправился опять за город, в храм Целителя.

Первое моё серьёзное дело в Приказе касалось розыска пропавшего дитяти. И следы привели в эту обитель и в общину нелюдей, которым Целитель покровительствует. Из нечистого народа там в основном кожевники и лицедеи, но был и один лекарский ученик. Ему тогда даже предлагали очиститься, но он предпочёл остаться в общине.

И как теперь понятно, выбрал верно. Вон у него уже собственная приёмная при лечебнице, лавка с зельями, пятеро или шестеро подручных. А сам, хоть и произведён в храмовые врачи, всё такой же: хмурый и грубый. Только я начал про раненого, перебил:

— Он что, чиновник? Или казну ограбил? Зачем он вам?

— В том-то и дело! Сам он нам ни к чему, более того: если расскажет, кто его нанял, Приказ обещает ему защиту.

— От кого, от стражи? Между Приказом и стражниками попасть хуже, чем между жерновами.

Тут мне возразить нечего. Лекарь, однако, продолжает:

— Про драку эту я уже от двоих слышал. Оба не назвались, да я и не спрашивал. У одного рука сломана: хвастался, что врагу глаз выбил. У другого бровь рассечена: хвалился, что врагу руку перебил.

— С тем, у которого рука, я уже толковал.

— Я кроме их ран про них ничего не знаю. Одно могу сказать, если тебе пригодится: очень они друг на друга похожи. Не с лица, а так, вообще.

То есть опять получается: громила был не наёмный, а из чьих-то челядинцев. Мы возвращаемся к вопросу о врагах Пещерного наместника. Здешних или из его края. Но не понимаю: если уж господин нажил врага среди равных себе, человека в больших чинах и с боеспособной челядью — то как Пещерник может до сих пор не догадаться, кто это из его знакомых? Или догадался, но молчит, и слуга тоже. Собираются расквитаться сами? Может, сам Пещерник и вовсе просить помощи не хотел, предпочёл бы добраться до дому, но уж слишком крепко ему досталось, а слуга его в растерянности наговорил лишнего. То есть наоборот, весьма нужного и полезного для нас...

А если это молодцы из Пещер... Но откуда кому-то из них знать здешнего лекаря? Разве что у них — или у их господина — со Столицей тесные связи.

Больше я ничего от лекаря не добился. В его лавке меня даже замутило, так воняет всеми снадобьями сразу. Занятно: раньше, помнится, это мне не мешало. То ли из-за сырости запахи сильнее, то ли я чутче стал. Не подобало бы сравнивать, но как пришло в голову, так и не выходит: Властителю Земель тоже ведь видения и знамения должны являться постоянно, но с недавних пор он их острее чувствует. Почему бы это?

Однако раз уж всё равно я у нелюдей осквернился, то прежде чем идти за очищением, расспросил и других. Про календарщика Кабуто и заведение тётушки Шелковицы, благо оно тут же по соседству, в северо-западном предместье. И незамедлительно отыскался доброхот, седенький опрятный плешивец с костылём:

— А уж не родич ли молодой господин тому господину, с которым так досадно получилось?

— Не родич, — говорю, — но знакомы.

— Слыхал я, что знакомец твой страже доложил, стражники у тётки Шелковицы всё перерыли, всё выпили, да ничего не нашли. И ей обидно, и господину тому, небось, обидно, только страже хорошо!

— И что дальше?

— Попросил бы молодого господина не спешить. Если у тётки ничего не нашлось — что ж это значит, чиновник тот всё выдумал? Да не может такого быть, молодой господин со лжецом бы водиться не стал! Дальше: всякий знает, иная одежонка хоть и латаная, да привычная, бумажонка и грязная, да нужная... Коли знакомец-то желает разыскать что из пропавшего, ему можно пособить.

— Рад был бы я ему помочь. От стражи и впрямь больше шуму, чем проку.

— То-то и оно.

Свёл меня старичок со скупщицей краденого. Тоже уже ветхая бабка, но упрямая. Порылась у себя, выложила платье, шапку, шпильку какую-то костяную, листок мятый с непонятными числами. Назвала цену.

— Это, — говорю, — не всё. Пояс где? И печать?

— О том не ведаю. Что мне сдали, то и предлагаю. Недорого!

— А кто сдал? — и тут уж я собственную должностную дощечку предъявляю. Бабку чуть удар не хватил, а куда хромец делся — я даже не заметил.

В общем, вывели меня-таки на воровку. Я бы с такой пить не стал иначе как по долгу службы, но я и не календарщик Кабуто. Толстая и кучерявая, выговор, как у служанки моей сестры — не сама, так родители из южных дикарей. Сперва отнекивалась, потом спрашивает:

— А что мне за это будет?

— Если всю правду расскажешь — ничего не будет.

— Не пойдёт. Тогда я ничего не знаю. Хоть пытайте.

Безобразие! Даже идя в нищий пригород, надо иметь с собою что-то ценное для взятки! А у меня ничего нет. Но и тащить её в Приказ через всю Столицу, да ещё не очистившись — не дело. Пришлось выдать ей грамотку с печатью: дескать, эта девица Жужуба состоит в осведомительницах у Полотняного приказа и находится под защитой. Составил я бумагу всё равно не по правилам, так что большого толку вымогательнице от этого не будет.

И вот что она в итоге рассказала. Кражу ей заказали, эту и ещё одну. Чиновников, которых надо ограбить, описали, но имён не называли. Заказчик с нею расплатился отрезом ткани, добычу осмотрел и почти всё оставил ей. Кроме поясов и печатей — те забрал. Пригрозил убить, если болтать станет.

— Так что моя жизнь в опасности, господин приказный, надо бы добавить к бумажке ещё чего-нибудь!

— Жизнь твоя, — говорю, — не больше этой грамотки стоит. Как выглядел заказчик?

— Страшный! Ростом здоровенный, на две головы меня выше. Одет в кафтан с чужого плеча — видать, своё платье больно приметное. Бороды нет, брови толстые, за поясом меч, голова платком лягушачьего цвета повязана. Суций разбойник! Но вот незлой оказался.

Приметы второго обокраденного я у неё тоже взял — похоже, он из ведомства казённых работ, но кто и в какой должности — пока неясно. Что с него снято было — давно продано и перепродано, потому как случилось это уже дней пять назад. Девицу я запомнил, посулил ещё навестить.

— Если, — говорю, — тебя снова наймут печати красть, ты с них хоть оттиски делай!

Надо будет узнать у этого календарщика: не приглашал ли его кто-то в те дни к тётушке Шелковице? Или не говорил ли он сам кому-нибудь, что туда собирается? Или — страшно вообразить — Кабуто не один сюда явился, а с друзьями, красотою своей зазнобы думал похвалиться?

10. Молодой господин Мино

Похвалиться, что ли, хочет Государев ближний человек? Так вышел бы сразу. Но он, видите ли, занят. Сам пригласил, да не домой, а на службу — и вот, изволь дожидаться, пока он птицам самолично корм задаст, пёрышки почистит и что ещё он с ними делает. Страшно занят, и тем живее должна быть твоя благодарность: уделил время, тебе первому сообщает хорошие вести.

Или наоборот. Первого предупреждает об опасности. Но если Властитель Земель в гневе, то, пожалуй, вызвал бы уже всех причастных к себе на допрос. Или тот мальчишка, прежде чем вручить свиток Государю, успел показать его своим родичам, и теперь...

Или, быть может, сокольничий лучше понимает молодого господина Мино, чем казалось раньше? Зазвал в рабочие покои, оставил без пригляда. Чем хороша Соколиная сторожка — так это широкими щелями в стенах: если бы кто подслушивал, сразу было бы заметно. Должностной наряд сокольничего висит тут, шапка на отдельной подставке. Пояс, именная дощечка, печать... Будто сам уже бежал, переодетый.

В платье из перьев, благо этого добра тут достаточно. Взмахнул рукавами и улетел, подался в Отрадные горы, к летучим псам...

Время предновогоднее, тревожное. Кто осудит молодого Мино, даже если увидит, как тот принимает успокоительное? Тёмно-бурую жидкость с противным запахом из горшочка с плотно подогнанной крышкой.

— Фу-у! Что это, гвоздика у тебя? — окликает сокольничий, заходя.

По-простому, по-дружески, без приветствий. Что ж, Мино отвечает в лад:

— Смесь пяти пряностей. Лекарство. Умеряет волнение.

— Ты тут осторожнее. Птицы чувят. Псаря бы у тебя эту гадость уже отобрали.

Всё-таки он понял, в чём дело? Понял или нет, всяко совет хороший. Зелье могут изъять и в других дворцовых службах. Из-за запаха, из-за подозрений на

скверну — иноземное всё-таки — или за яд примут, или скажут, что в Облачном роду малые дети склонны пробовать на вкус всё незнакомое, до чего доберутся... Надо будет запастись другим сосудом.

— Ты и сам благоуханен, — морщится Мино. Если уж сравнивать с собаками Государевой псарни, то соколы воняют крепче. И гадят сверху. Теперь ясно, почему сокольничий не выходит во двор в казённой одежде.

Он разматывает ремешки наручей. Стягивает головную повязку, снимает халат, выкидывает всё это за дверь. Продолжает беседу в исподнем:

— Зато по случайности сюда никто не забредёт. А лишних ушей нам не надо. Что с прошением? Полмесяца прошло уже...

Нет у него вестей, ни плохих, ни хороших. Надеется что-нибудь услышать от Мино. Будто тот сам не сообщил бы, сокольничему — даже раньше, чем остальным.

— Грамота передана. Он прочёл. Пока это всё.

— Не похоже на хозяина этих птиц так медлить. Отец волнуется.

Отец господина сокольничего вообще редкий трус. Даже наместник Охвостья решился сам и обсуждать прошение, и подписать. А правитель Укромного края всё доверил сыну, хотя сам сокольничий наверняка останется при дворе, ему наместничество пока не предложат. Но он почтителен к родителю, и даже рад был, кажется: надеется, что отец оценит его заботу. В Укромном сокольничий, кажется, никогда не бывал, батюшка его, напротив, почти не появляется в Столице, разлада в их семье нет, но поневоле отделились друг от друга... Так, по крайней мере, рассказано было младшему Мино.

А что, если трусость наместника — притворная? Если искать, какие воистину непроходимые горы ближе всего к Столице, это будет именно Укромный край. Отрадный, Медвежий края — можно считать, не горы уже, а сады для гулянья. Кто только туда не ездит, весной или по осени, за красотами, на богомолье или на охоту... А про Укромный даже песен нет. Был бы Мино-младший разбойничьим вожаком — наверное, там и устроил бы себе главную ставку. Так вот: что, если наместник Укромного как раз и есть главный покровитель разбойников?

— Надо подождать, — Мино разводит руками. — Может, и к лучшему, если решение будет принято не второпях.

Сокольничий вытирает руки полотенцем. Не глядя на гостя, говорит:

— Не нравится мне всё это. Я три года близ Властителя Земель, никогда его таким не видел.

— Каким?

— Растерянным.

А это хорошо. Если бы, как считает дядя, Государь про разбойные войска уже давно знал от Конопляников или, хуже того, сам их снаряжал, — отчего бы тогда теряться? Значит, мы первые доложили об опасности для державы. Нам

зачтётся.

— На охоту не ездил, — продолжает сокольничий, — даже по позднему снегу. Гадателя какого-то призвал невесть откуда. Главный псарь говорит: знаменья искал у Белых стражей.

То есть у божьих псов. Если затевается большая охота... Да не на фазанов, а на дичь покрупнее... На тигров с волками, хоть Пещерный наместник и возражал против подобного сравнения...

— И было знаменье?

— Не знаю. Я их толковать не умею и не берусь.

А Календарное ведомство, может, и радо бы, да выйдет толкование только изустным. Записать некому, писарь-то их сейчас не у дел...

Мино невесело усмехается. Сокольничий встаёт, разминает плечи:

— Ладно. Взались уж, бросать поздно. Так или иначе это дело надо решать. Сразу дай знать, если что.

И, вздохнув, начинает облачаться в должностное. Кафтан, шапка, пояс...

— Эйц-цц!

Ну, да, он привычен держать на руке драгоценных пернатых, замечать малейший перевес или недовес. Не дайте-то боги чахнуть начнёт сокол, или наоборот, разжиреет...

Сокольничий открывает ларчик с печатью.

— Утром ещё тут была! Я-то думал, это всё шуточки Левого конюшего. А теперь и у меня пропала!

Мино заглядывает в ларчик. Сочувственно кивает:

— И до тебя добрались.

Товарищ вскидывает на него глаза, щурится:

— И твоя тоже?

— Да. Уже несколько дней назад. Разыскиваю, пока без толку.

— Выкуп просили?

— Пока нет.

— Глупость какая-то. Ведомства разные. Кому могло понадобиться сразу столько печатей? Конюшенная, Соколиная, твоя...

И осёкся. Понял?

Глаза округлились, как у сокола:

— То есть — что, эта сволочь уже до Столицы добралась?

— Надеюсь, что нет, — отвечает Мино сквозь зубы.

Сокольничий взмахивает рукавом:

— Так вот кто напал на Пещерного господина! Близ самого дворца, чуть не насмерть убили!

И громким шёпотом, с отвращением:

— Ба-ра-мон!

11. Дзёхэй-младший, переписчик из Книгохранилища

Барамон, Сэндара, Нарака, Сюмадай — и ещё много трудных слов. Догадываюсь: тут что-то монашеское, но словаря у меня нет: его из Книгохранилища изволил затребовать отрехнувшийся государь и пока не вернул. Да в словаре и не сказано, боюсь, что эти учёные понятия означают применительно к делам Облачной страны. Лучше расспрошу господина уполномоченного, он разбирается.

Пока шуточки шли, было проще. Но, как следовало ожидать, досточтимый Камэй во множестве сочинял моления для храмов. И на них я застрял. А ведь в сборнике им-то как раз и место, благочестивым записям, а не про разбойников с барсуками.

Не люблю переписывать, когда не понимаю смысла. А сейчас так делать и вовсе нельзя. Больно уж действительно слово Камэя: сбывается! В тот же час, как перепишешь, или чуть загодя или погодя. Или это я рехнулся? Ну, одно совпадение, ну — два. Но десяток!

Допустим, подозрения моего тестя верны: все нынешние безобразия взаимосвязаны. Кто-то надеется воплотить в жизнь все стихи Камэя? И тогда — что? Досточтимый подвижник вернётся? Или напротив, покинет здешний мир и обретёт свободу? Или: где-то у Камэя сказано, допустим, о чудесном исцелении ребёнка, и если прочие слова поэта сбудутся, то, авось, и эти тоже? В общем, кто-то так пытается добиться чуда?

Когда сидишь, дитя плачет, сделать толком ничего не можешь — решишься, пожалуй, на какие угодно глупости. И на злодейства тоже.

Надо сказать, чем дальше, тем больше это всё похоже на дела пятилетней давности. Я их не застал, но рассказывают: один младший родич Конопляного семейства начитался предсказаний о конце времён и начал их все по очереди исполнять. Дома поджигал, знаменья подстраивал, похитил кого-то — ну, и обеспечил себе личный конец. А господин Намма до сих пор не может себе простить, что недоглядел за ним.

Но ежели сейчас мы имеем нечто похожее — это значит: злодеи имеют доступ к моему столу с бумагами, иначе не смогли бы разложить стихи Камэя в нужном им порядке. А вот возьмём и поставим опыт. Перетасую листки и вытащу один наугад.

*Снова встретил я тебя, будто впервые,
А в лицо и не узнал: нету лица.
Друг на друга мы глядим, снова живые,*

Под плащами новыми — те же сердца.

Да уж, непросто провести досточтимого Камэя! Впору думать: он сам мне подсунул строки, годные на любой случай. Мало ли кого можно встретить из тех, кого знавал в прошлых рождениях — и не узнать! Однако, раз уж взялся, перепишу. Тут и созвучия складнее обычного.

Служебный день кончился. И подлинники, и переписанное складываю в два короба и на всякий случай оба опечатываю. Теперь можно и домой.

У собственных ворот столкнулся с гостями, очень кстати: тут и господин Асано, и монах Нэхамбо вместе с ним. Можно и про книжные слова расспросить, и про столичные новости, потому что монах их все всегда знает и охотно делится. Кланяюсь, прошу пожаловать.

— Я, собственно, одной ногой на ваш порог, — говорит Нэхамбо. — Вот весточку для госпожи доставил.

Однако же разулся, зашёл обеими ногами и уселся погреться. Достал из-за пазухи письмо, вручил мне для передачи супруге, как положено. Ба, а бумага-то не простая — только во Дворце на такой пишут! И почётно, и тревожно!

— Пересмешница! — обрадовалась жена.

Забрала письмо, препоручила мне маленького и отправилась за занавес, чтобы читать, не отвлекаясь. Вести от Младшей государыни, важно! И, кажется, срочно: досточтимый Нэхамбо собирается дождаться ответа.

А я-то уж думал, объяснюсь заодно с господином уполномоченным насчёт наших семейных дел. Придётся опять отложить — или хотя бы подождать, пока монах удалится. Зато по храмовым делам сразу два наставника.

Молодой господин Асано прочёл мои выписки. Хмурится:

— Это... Сочинение Камэя?

Замечательно! Сейчас окажется, оно тоже недавно сбылось?

— Прошу твоего совета. И твоего, досточтимый Нэхамбо. Я мог бы распознать подделку по почерку, по туши и бумаге. Но если работа очень искусная, если делал мастер намного опытнее меня — могу обмануться. Тогда что делать? Судить по содержанию. Но его-то я и не уразумел. А ты... Видишь, что сто лет назад такое не могло быть сложено?

— Да нет, могло. Содержание... Попробую перевести. *Ни жреца, ни нелюди — нынче все ровня. Рай и преисподняя — только в нас самих. Или: скверна или чистота только в нас*, так тоже можно сказать. Стихи, я думаю, сложены по итогам обряда. *Чтоб у мёртвых и живых доля сравнялась...*

— Страшно звучит!

— Ничего страшного: живые свершили благое дело, молельню возвели или

храм, какой именно — в начале грамоты должно быть сказано. Обрели заслуги, улучшили себе будущую долю и хотят это благо разделить с усопшими близкими.

— А лучше, — вставляет Нэхамбо, — со всеми живыми во всех мирах!

— Понял, кажется, — говорю. — А такие редкие слова по обряду положены?

— Ну, да, по обряду Просветлённого. Это всё индийские выражения. *Нарака*, по-нашему, будет «подземное узилище», ад. *Сюмадай*, стало быть, рай небесный, Чистая земля.

— А *Сэндара*?

— Нелюдь, на ком скверна неустраняемая. Видимо, благочестивое начинание исполняли обычные люди вместе с нечистыми. А жрецы землю перед строительством умиротворяли и на обряд освящения молельни тоже явились. «Чистота и скверна в нас самих» — это значит, не в телах, не по рождению или по каким ещё внешним причинам, а только в уме воображаются. То есть на самом деле их нет.

Досточтимый усмехается:

— И даже Барамон — просто Барамон, жрец индийских богов, а не тот, на кого все подумали.

Уполномоченный косится на него неодобрительно. Киваю дитяти:

— Мы с тобой последние остались в Столице, кто не понимает, в чём тут намёк?

Маленький отвечает: угу! Господин вздыхает:

— Давно пора сказать тебе. А я всё решимости не наберусь.

Решимости сказать, что нету ни жреца, ни жулика осуждённого? Что между молодым господином из знатнейшего дома и беглым китайцем разница — лишь воображаемая? Допустим. И потому не важно, с кем из двоих коротает ночи хозяйка этого дома? Мы ж друзья, какие счёты между своими...

И хорошо, ежели так. Но, может статься, господин в прошлый раз имел в виду другое. «Пусть и неверным путём...» То есть он, Асано, вступил на опасный путь, в заговор ввязался, скажем, сознаёт, что не одного себя погубит, нас тоже — и запоздало просит на то нашего согласия?

— Барамон, — начинает он, — прозвище разбойника, знаменитого в наши дни от Перевалов до Охвостья. Если взять чертёж Облачной страны и широким кольцом обвести земли вокруг Столицы — то шайка этого разбойника, или нескольких атаманов с одним именем, действует по всему этому кольцу. Грабит начальство, оделяет бедных, насаждает свой порядок.

Не поднимаю головы. Угу, дитя моё, верно ты говоришь. У нас, у меня на родине, тоже с такого начиналось. Сперва атаманы, потом генералы, потом они же — Сыны Неба, и у каждого свои взгляды на порядок в стране. От них я сюда и сбежал. Получается, зря?

Ещё в самые первые дни, как мы с господином Дзёхэем прибыли в здешнюю Столицу, разговоры об этом были. И между мной и молодой госпожой, твоей, дитя, матушкой. И между господином моим и прежним государем, которому служил тогда молодой Асано. Возможна ли смута на Облачных островах, а если да, как скоро случится и с которой земли начнётся. Тогда выходило – на наш век мира хватит. А теперь что?

— Прошу тебя, Рэй... То есть Дзёхэй...

— Да всё равно. Что за просьба?

— Я видел одного из Барамонов. Другого или того же самого, не знаю, но ещё некого Барамона встречал наш с тобой шурин, младший Намма. Я на Подступах, он в Приволье.

— А я в Охвостье, — говорит Нэхамбо. — Кажется, третьего. И ещё четвёртого мои знакомые в Подгорье видели.

— Я ограничусь первыми двоими. Понимаешь, Рэй: и мне, и шурина показалось, будто мы узнали этого человека. Одну и ту же особу в нём опознали. А именно, младшего советника Хокуму из Полотняного приказа, погибшего почти пять лет назад.

— Это он верил в последние времена?

— И по мере сил приближал их; по крайней мере, так тогда поняли его поступки. Просьба такова: нельзя, чтобы нашему тестю, старшему Намме, рассказали об этом. Про разбойника Барамона он, конечно, читал донесения. А вот про это странное сходство... Он очень горевал по Хокуме, и если прослышит, будто тот жив...

— Понятно, — говорю. — Пустится на поиски.

— Или не даст себе воли, останется тут и будет мучиться сомнениями.

— Хорошо. Промолчу, конечно.

Другой вопрос: зачем было мне-то рассказывать? Кабы я не знал, уж точно проболтаться бы не мог.

— А ты, переписчик, — спрашивает монах этак спокойно, — такого человека не встречал?

Не будь у меня в охапке маленького...

Монах не унимается:

— Росту примерно как твой господин-батюшка, только не сутулится, лет твоих, брови густые, черты резкие, почерк...

Нет. Служителю Книгохранилища положено сидеть тихо. В собеседников пальцем не тыкать, кулаками не грозить. Не буду. Поберегу руки для досточтимого Камэя.

— Как ты себе это представляешь, досточтимый? Вот я под благовидным предлогом отпрашиваюсь из Книгохранилища, отправляюсь в какой-нибудь из

ближних краёв и жду там под раздвоенной сосною таинственного незнакомца? А тот подходит и говорит: я, мол, смутьян и головорез Барамон, родич твоих родичей, не поделишься ли заморским опытом, как сокрушить державу? А то мне, мол, в Столице появляться не с руки, до тамошних стратегов никак не доберусь? Ты это имел в виду?!

— Да что ты, что ты...

Кажется, Нэхамбо правда толковал о чём-то совсем ином. Но думать же надо, что говоришь! А я, дурак, ещё и дитя разбудил, маленький заголосил. Жена прибежала, и тут же слышу — кто-то стучится в ворота...

12. Госпожа с Восьмой улицы

Кто-то стучится в ворота. И вовремя, и не вовремя. Вовремя, потому что они сейчас того и гляди подерутся. Рэй хотя и вошёл в Полынный дом, в Дзёхээв род, но по своей прежней стране всё равно очень скучает, приходится следить, чтобы не принял какие слова за насмешку или упрёк. Но досточтимый Нэхамбо — человек прямой, над таким не задумывается.

Или не подерутся — но окончательно переругаются. Тут и я приняла бы участие. Братец, стало быть, опознал разбойника. Молодой господин Асано, извольте видеть, — тоже. Даже монах Нэхамбо! И Рэю, значит, пришла пора о том знать. Только нас с батюшкой от таких новостей берегут, как могут!

Да, батюшка Хокуму всегда любил и до сих пор жалеет. А мне, наоборот, он никогда не нравился. Но это же не значит, что стоит нам его имя услышать — и всё, голова отвалится, печень распухнет? И меня могли бы за пылкую девицу не считать уже, и отца пока — за выжившего из ума старца! Нэхамбо, кстати, не моложе его будет, но от него-то ничего не скрывают!

Не натворили бы бед...

Ладно, эту новость нужно будет обдумать потом. И проверить, потому что выглядит всё очень подозрительно. А пока хватаю маленького, отправляю Рэя поглядеть, кто пришёл, а на гостей даже взгляда не брошу. Я обиделась. С господином уполномоченным я отдельно поговорю, что это за заговор у меня за спиной.

А не вовремя этот человек у ворот — потому что ответ Пересмешнице у меня ещё не готов. Письмо её тоже какое-то немного странное.

Сперва спрашивает про прорицателя Миву — я ей писала, что случайно встречалась с ним несколько лет назад, и вот теперь Младшая государыня хочет знать подробности. «Ведь этот человек — правда чудотворец, но я его чудес видеть не могу. А они, кажется, важные. Если он — лишь дудка в устах кого-то из богов, то мне любопытно: почему именно он и сколько в этой дудке дырочек». И сразу

оговаривается, чтобы я не спрашивала о прорицателе у своего братца: тот, мол, Миву терпеть не может и наговорит выдумок. А выдумок вокруг прорицателя и так уже слишком много клубится.

Потом сообщает, что все назначения на будущий год уже утверждены, хоть и не объявлены, и чтоб я не беспокоилась — все наши остаются на своих должностях: и бабушка, и муж, и братец, и господин Гээн, и уполномоченный... И вообще в Столице перемещений немного, заменили только некоторых наместников. «Но это тебя не удивит, потому что ты, Белка, от своего отца наверняка знаешь, сколько грешков за кем из них числится и сколько поводов набралось не то что для смещений, но и для отставок».

На самом деле я мало про кого из наместников это представляю, но спросить бабушку, конечно, смогу, если любопытно станет.

Но самое неожиданное дальше: Пересмешница опять возвращается к моему братцу. Вот насчёт прорицателя его расспрашивать не стоит, а про назначения ему потихоньку сообщить надо бы. «Пусть твой брат ради этого не старается сверх необходимого и не связывается с людьми, которых в другую пору избегал бы. Тайные дела у него получаются не очень-то ловко, а для канатных плясунов неловкость опасна. Пока его овевает ветер, дующий с благоприятной стороны, не стоит переставлять парус, чтоб плыть побыстрее».

И как прикажете это всё понимать? Пересмешнице мой братец обычно — и вполне заслуженно — мало любопытен, а тут она его поминает два раза подряд, да ещё столь таинственно... Или всё дело в том, что братец женился на дочке Восьмого царевича Оу, а та во Дворце бывает по несколько раз в месяц и у Младшей государыни, говорят, одна из любимых собеседниц? Во всяком случае, не удивлюсь, если Пересмешница в последнее время с ней разговаривает чаще, чем со мной переписывается. Братец во что-то влип? Или царевич влип? Или, ещё хуже, братец тестя втянул? У царевича Оу сейчас служба такая, лишиться которой и впрямь великий позор: он Государев изборник составляет. Но или я что-то путаю, или такие назначения делаются не вместе с прочими, на Новый год, а отдельной Государевой волей и на долгий срок...

Как отвечать, ума не приложу. А монах сидит, ждёт, несёт незнамо что. И маленький плачет.

Муж возвращается, несколько остывши. Заглядывает к нам:

— Я уйду ненадолго. Брат зовёт, по делу.

Брат? Который — спрашивать без толку. Все китайцы в городе Рэю либо братья, либо дядья, дедушка даже один есть. Между прочим, дождь идёт, если ты не заметил! Только к воротам выглянул, а уже промок.

Глядит виновато:

— Да, и переодеться не успел... Ладно, побегу в казённом, плащ накину.

Но прежде чем исчезнуть, показывает глазами туда, где сидят гости. И воздевает руки: слыхала, мол? Я сочувственно киваю.

За новости о назначениях я, конечно, поблагодарю. О прорицателе напишу, что помню: говорили, будто в детстве он однажды был одержим, но не знаю, где и как это случилось. С тех пор онемел, хотя, по-моему, речь слышал и разбирал. Ещё не всегда понимал, куда идёт, выглядел дурачком, но не злым и не буйным. В храмах и святых местах, где мы побывали, его не считали одержимым. Я ещё попробую расспросить слуг, кто был тогда с нами, если что они вспомнят — напишу отдельно.

Слуг, Уточка и Селезня, сейчас дома нет, и когда вернутся, непонятно. Батюшка сейчас всех, кого мог, задействовал для слежки. Сразу у стольких чиновников пропали казённые печати, надобно день и ночь следить, кто приходит к пострадавшим домой и на службу, — если выкуп всё-таки потребуют, надо, чтобы умелый соглядатай проводил потом этих вымогателей.

И всё-таки спрошу у Пересмешницы: какие колена выделяет наш новобрачный канатный плясун? Я сейчас за другим ребёнком смотрю, а мой несносный братец, я надеялась, уже большой...

Ну, и раз уж речь зашла, кое-какие подробности о маленьком. Остановилась только услышав грозный батюшкин голос — даже не заметила, как он в дом вошёл:

— И что же я вижу? Никто здесь ничего не собирается праздновать в этот вечер?!

13. Средний советник Намма из Полотняного приказа

В этот вечер старший следователь Намма задержался в Приказе. С утра он надеялся успеть после службы домой, часок подремать — и уж после отправиться к дочери, на ночное празднество. Первому внуку триста дней исполняется — отчего бы двум дедам и прочей родне не отпраздновать, как положено, ночью? Но ещё накануне начались нестроения. Кровная бабушка дитяти, первая жена господина Наммы, явно дала понять, что нынешней жене среднего советника на таком празднестве делать нечего. Скажет что-то этакое при Дзёхэе — тот обидится. В общем, от обеих жён Намма принял гостинцы для дочери и внука, а на присутствии самих женщин не настаивал. Свой подарок прислала и тётушка дитяти, младшая дочь Наммы. Сперва требовала, чтобы ей лично поздравлять младенца позволили, но удалось её отговорить. В ночную пору барышне Намме подобает спать! Потому что, в отличие от племянника, она уже большая.

А с утра — обычный приказный день, только немного суматошнее иных. Соглядатаев много, не все из них прошли должную выучку, а из обученных — не все могут прислать записку вместо того, чтобы доложить лично. К полудню

получалось: у одиннадцати чиновников печати пропали достоверно, ещё у шести — предположительно, идёт проверка. Из них четверо ограблены открыто, какими-то головорезами, причём двое пострадали настолько, что не могут явиться в присутствие. Остальных обокрали; двух воров даже удалось разыскать, да толку-то? Описали, кто им кражу заказал, но в обоих случаях довольно невнятно и путано. Можно только допустить, что это люди разные. Ещё одного вора сыщики вычислили, да он как раз попался страже, а у той на него имелся зуб, так что когда до неудачника добрались приказные, тот мог только охать и стонать.

Глава Полотняного приказа, господин Асано-средний, решительно потребовал: во избежание путаницы в делах по всей Столице, к Новому году похитители должны быть схвачены, а печати — разысканы. Легко сказать!

В полдень появился младший советник Сайма с увесистым мешком, стопкой листов и задержанным. Рассыпал бумажки по столу: некоторые отрезаны от исписанных грамот, некоторые чистые, но каждая — припечатана. Вытряхнул мешок, оттуда высыпались восемь печатей. Только странных каких-то — половина словно недоделанная.

— Изволь видеть! — проворчал младший советник. — Это отродье за последние пять дней получило четырнадцать заказов на изготовление новых печатей. По оттискам. Из этих четырнадцати чиновников лишь двое признались в пропаже, об остальных мы и не знали. И это — только одна мастерская, где печати режут! В Столице и предместьях и ещё имеются.

— Но наша лучшая, — обиженно вставил резчик. — Господин начальник, страдаю незаслуженно! Я же не подделки изготавливаю для злоумышленников! В каждом случае убедился: новая печать заказана особой, право на таковую имеющей! Иначе я бы сам к вам прибежал, с образцовым оттиском.

— И как ты это проверял?

— Ну, во-первых, мы сколько лет уж в Столице работаем, многих господ и их людей в лицо знаем, не одну печать им сделали! А во-вторых — я же каждый раз прошу оттиск показать. Видно же, на какой грамоте она стояла — и соответствует ли это заказчику. Мы понимаем: дело державное! Ведётся тщательный учёт!

Проверили и листки, и печати, и учётную книгу. Два-три оттиска были сделаны, судя по всему, прямо при резчике; печально, конечно, что у кого-то из чиновников печати треснутые, а у одного вообще пополам расколосась, и они в Приказ не сообщили, а решили исправить дело своими силами. Но вот остальные... Похоже, за один час число пострадавших выросло едва ли не вдвое.

— Это то, что я сам нашёл, — говорит Сайма. — Хотел бы знать, сколько эти... негодники успели припрятать.

— Но вот же книга!

— Я тебе покажу книгу! Знаю я вас — на одну учтённую работу три нигде не

записанных!

Однако старый резчик оказался не из пугливых. Отвернулся от младшего советника, отвесил поклон среднему, с достоинством молвил:

— Взываю о справедливости! Наша мастерская — старинная, надёжная, заведена ещё с милостивого дозволения Государя Белоснежного! За тридцать пять лет — всего два нарекания, и то на задержку сроков. Дважды отмечены и поощрены вашим же ведомством! Лучшие заморские мастера у нас сейчас трудятся!

— То-то и оно, — обращается младший советник уже не к нему, а к начальнику. — Мастерская старая, а работает в ней невесть кто. Приезжие. На каждого такого умельца — человек пять-шесть земляков. Это считая только тех, кто тут, в Столице и в пригородах. Кто кого кормит, вот вопрос.

И верно, вопрос напрашивается. Если кто от всех этих грабежей и краж имеет прямую выгоду — так именно резчики. Печать драгоценна, в изготовлении недешева, а за срочность и за тайну мастер может запросить и двойную, и тройную плату — отказа не будет. Многочисленная бездельная родня, готовая мастерам обеспечивать работу, — и что важно, почти поголовно грамотная, раз это китайцы. Подозрение Саймы явно не пустое.

— Прошу дозволения: доложить главе Приказа. Чтоб эту мастерскую и две других разрешённых — закрыть до Нового года. Мастеров и подручных задержать.

— Но почему?! — вопит резчик. — А как же заказчики наши?

Сайма продолжает, не глядя на него:

— Заказчиков, согласно этой вот книге — опросить. Посмотрим, у кого из них печати пропали, когда и как. И поглядим, продолжатся ли кражи. А может, кто из воров и сдастся. Как почтительный родич, с повинной явится.

Мастер горестно вопрошает:

— И кому от этого польза, позвольте спросить? Честных, проверенных мастеров — в тюрьму, а кого на наше место?

— Если, старик, тебя это беспокоит, назови сейчас: кто из подпольных умельцев вашу работу мог бы перехватить. Знаешь ведь их. Имена, где работают, через кого заказы принимают.

— Если бы знал, давно бы уже донёс!

— А ты подумай. И подручных расспроси, время у вас будет.

И Намма, и глава Приказа дозволение дали. Приставы отправились по мастерским. К вечеру тюрьма заполнится, и Палата наказаний, как обычно, станет возмущаться... Зато хотя бы убедимся, что у тюремщиков печати целы. Или в обратном?

По правде говоря, запрашивать бы надо полную проверку всех ведомств. Их же собственными силами: просто чтобы устроили переключку, велели каждому от начальника до привратника предъявить печать. Но на такое глава Полотняного

приказа не согласится. Слишком много шума получится, пойдут толки...

Сайма улучил время, когда остался с начальником наедине, и сказал:

— Приношу извинения, если посмел поставить господина среднего советника в неловкое положение.

— Ты это о чём?

— О китайцах.

Следователь не сразу понял. Когда понял — разозлился:

— То есть, в Приказе считают, что если мой зять прибыл из-за моря, так я теперь покровитель всех китайцев в Столице? Или по всей стране?

Младший склоняет голову, молчит. Потом отвечает:

— Я так не считаю. Кто здесь с тобой дольше служит — тем более. А вот за самих китайцев не поручусь. И за тех, кого они запугивают. Не в Приказе дело, а в том, что про нас болтают.

За последние годы китайцев в Срединной столице вправду прибавилось. А Сайма служил раньше в столице Западной — Намма был там давно, но хорошо помнит, сколько в тех краях китайцев, учтённых и неучтённых...

Младший советник продолжает:

— Среди них есть люди честные и скромные, я знаю. Трёх-четырёх таких назвать могу. А остальные... Мошенники! Нас, Облачный народ, числят едва ли не дикарями. И уж точно — дураками. И, что ещё хуже, часто оказываются правы. Потому что жулья к нам из-за моря привалило — неслитано. В открытую и тайно, и не только воров, но и разбойников, которые в смутах материковых уж столько крови пролили, что под ними там земля горит. И за каждым — хвост из родни тянется, даже если те сами приличные. Вот эти, резчики, — сколько таких в других ремёслах? А сколько грамотеев китайских у нас пишут — добро, если кляузы, а то ведь и крамольные листки? Тут, в Столице, пока ещё не очень, а на побережье или на Цукуси...

Осёкся, ещё раз поклонился:

— Я не о твоих свояках говорю, господин средний советник. Но просто зло берёт. Я как получил назначение в Столицу, думал: хоть тут этих рож не увижу! Как же...

О свояках... То есть всё ещё хуже: речь не только о Рэе, но и о бывшем после, о Дзёхэе. А тот действительно продолжает переписку с Китаем. Могли решить, что глава Книгохранилища наживается на дозволении заморским преступникам прибыть в Облачную страну? И спрашивать нечего — и не в такую чушь иные верят...

И пока следователь Намма прикидывал, что на это ответить, ворвался рассыльный:

— Нападение на наместника Охвостья!

- Где?
- Здесь!
- То есть как?
- Господин наместник здесь! Желает сделать заявление!

Наместник Охвостья, господин Овари, — человек немолодой, полный, мягкий, по данным Приказа — трусоватый и оттого склонный к волоките. Но сейчас взор его горит гневом. И, кажется, ещё и гордостью.

Выслушать его готов сам господин Асано-средний, но и Намма должен присутствовать.

— Первое, — молвит Овари тонким, но твёрдым голосом. — Прошу в порядке исключения допустить сюда двоих людей, сопровождавших меня ко Дворцу. Их остановили на воротах, но я считаю необходимым вам их представить. Эти люди заслуживают не только моего, но и державного поощрения. Ибо спасли мне жизнь.

О ком речь? — тихонько спрашивает Намма у рассыльного. Тот отвечает: деревенские какие-то мужики.

Глава Приказа разрешение дал. Пока на воротах проверяли тех крестьян на скверну, господин Овари поведал следующее. Нынче рано утром он выехал из усадьбы в наёмных носилках — ибо собственных в Столице не держит — и направился в Военное ведомство для согласования ряда вопросов. Надобно помнить, что именно в Охвостье пролегает Последний рубеж: разумеется, давно уже отнюдь не последний, но когда-то, в славной древности, именно там предки наши остановили натиск немирных дикарей с востока. Обсудить меры касательно почитания оной святыни наместник и собирался с военными советниками. Но почти у самых ворот усадьбы на Шестой улице дорогу ему преградили люди в чёрном. Семь или восемь человек с завязанными лицами, с тяжёлыми дубинками, а главарь даже с саблей. Носильщики господина бросили и бежали; негодяи сбили с наместника шапку, повалили наземь, стали обшаривать рукава, пытались сорвать пояс... Нет, требований не выдвигали, о мести либо родовой вражде не упоминали. Просто грабили. Но тут, откуда ни возьмись, явились те самые люди из деревни. В прямом смысле слова: ходоки из Охвостья, не иначе, благою волей богов и будд они именно в этот день и в этот час добрались до Столицы. С кулаками и дорожными посохами накинулись на грабителей и разогнали их.

— Двое одолели семерых? — спрашивает Намма.

— Такие уж молодцы у нас в Охвостье! На самом деле четверо, но двое ранены, им во Дворец нельзя.

Сам господин наместник цел, хотя и несколько помят. Утро и большая часть дня у него ушли на очищение после драки, но как только смог, он явился в Приказ. И теперь настаивает, чтобы его спасителей наградили казённым порядком, а ему самому предоставили охрану.

Господин Асано заверил, что оба вопроса будут рассмотрены. Намма уточнил: громилы ничего не успели украсть? Оказалось, ничего. И печать цела, и должностная дощечка, и всё прочее.

Средний советник потолковал и со спасителями. Действительно крепкие ребята, подтвердили рассказ господина — за единственным исключением: разбойников они видели только четверых. В остальном всё так: и дубины, и сабля, и замотанные лица. И боги Охвостья помогли защитникам наместника, в этом никаких сомнений нет.

— А вы, собственно, зачем прибыли в Столицу? — любопытствовал Намма.

— Чтобы коли господин после Нового года к нам обратно — так сопровождать и оберегать. В горах-то разбойников поболее, чем тут! А ежели он уж к ним не вернётся — то поскорее обратно и всех предупредить. Как говорится, новая крыса впятеро жрёт... Ох, виноваты!

За всеми этими делами сыщик Намма едва успел вечером заскочить домой переодеться и прихватить гостинцы, ни о каком сне речи уже не было. И — к внуку! Праздновать с родственниками.

14. Дзёхэй-младший, переписчик из Книгохранилища

С родственниками всегда так, особенно когда их много. Это на родине у себя я был почти совсем один, а на чужбине-то любой земляк — родич. А старший У человек серьёзный, по пустякам ночью вызывать не стал бы. Значит, придётся помочь.

Дождь идёт, темно. Братья У переселяются каждые полгода, но неизменно ютятся в таких трущобах, каких, я думал, тут в Столице и нет. Куда рванул парнишка, который приходил за мной, я не уследил, но, похоже, побежал за кем-то ещё. Большая сходка намечается?

Сворачиваю в переулок. Вот отсюда второй поворот, если я не обчёлся, будет как раз к дому У. На перекрёстке лужа, как бы её обойти...

— Ох! Мои нижайшие извинения!

На кого это я налетел? Высокий, в соломенном плаще, как у меня, плетёная шляпа надвинута низко, ждёт он тут уже давно — весь вымок. И почему-то без фонаря. Как, впрочем, и я, но я-то просто писарь, а он с саблей, человек важный.

— В следующий раз смотри, куда идёшь, — довольно мирно советует он. По голосу — не из наших, местный. Я — своей дорогой, а он остался вокруг лужи бродить.

Добрался до лачуги братьев У. Как и обычно, это снаружи — грязная развалюха, а внутри всё чисто, тепло и даже нарядно, в углу цветы бумажные стоят, над очагом картинка с богом висит, уже закопчённая. Большой сходки не

обнаружилось: двое У, да трое их приятелей, да девица Ван, что приехала недавно и ищет, у кого пристроиться.

Раскланялись мы, старший У, человек прямой, сразу к делу:

— Дарования твои, братец Чжан И, исключительны, человек ты поистине незаменимый. А тут надо бы нарисовать печать хорошему человеку на грамотку.

Что я ничем подобным более не занимаюсь — говорить не стоит: не поверят. Спрашиваю:

— А что за грамотка? Долговая?

— Бери выше! Годовой отчёт одного чинуши из Дворцового ведомства. О поставках благовоний.

— Не понял. То есть не почерк надо изобразить, а только печать?

— Ну, да, остальное он сам написал. Мы ж помним: ты теперь вошёл в дом господина посланника, должность у тебя... Но тут никакого беззакония! Просто у этого господина печать не вовремя пропала, он заказал новую, конечно, а тут... знаешь уже, небось?

— Что — знаю?

— Совсем ты, видать, постарел: самые страшные новости мимо ушей пропускаешь?

И поведал действительно неприятные вещи. Сегодня приставы из Полотняного приказа перехватили два десятка резчиков, что печати делали: и в разрешённых мастерских, и в подпольных. Половина из них — наши. Готовые печати и заготовки тоже забрали. А тому чиновнику, для кого посредничает У, печать потребуется уже вот-вот, он и так свой отчёт задержал. Платит хорошо, моя доля — отрез крашеной ткани.

Про благовония мне у досточтимого Камэя пока вроде бы ничего не попадалось. А про преследования властями — только весьма иносказательно. Это обнадёживает.

— Образец-то есть?

— Да он целый ворох старых грамоток притащил, срисовывай — не хочу!

Сами знаки несложные, на печати две давние щербинки. Вот что бывает, когда имеешь привычку припечатывать грамоты не на гладком столе, а на грубых ящиках, на полу и где попало. Ну и хорошо, достовернее будет выглядеть. Главная хитрость — чтобы казалось не написанным, а оттиснутым. Но и чурочка подходящая нашлась, и щепка, я концы обстругал на нужную толщину каждый. И краска годная.

Сижу, работаю.

— Опять мы за местных отдуваемся, — сетует У-младший. — Мало нам стражи, так теперь ещё и приказные...

— А кстати, — спрашиваю. — Эти чиновники, у кого печати пропадают... Мы точно ни при чём?

Старший У аж побагровел:

— Мы?! Да что мы, не понимаем? Это ж — подрыв устоев государства! За такое нас из Столицы всех выгонят, кого в тюрьме не уморят. Когда о державных делах речь, ясно: преступником не должен быть китаец! Кто угодно, хоть варвар с севера, хоть с юга, хоть танцовщица из здешних святилищ, но не мы. Странно слышать такое от тебя, братец!

Остальные поддакивают, даже девица Ван. Если стану отвечать, всё равно всех не перекричу. Молча киваю на собственную работу.

— Так это ж совсем другое дело! Не развал державного делопроизводства, а спасение его! Вот этот благовонник вовремя отчёт сдаст, за ним другой чиновник, третий... Четвёртый тоже, вместо того чтоб по городу пропажу искать, делом займётся... А иной, может, с горя и запил бы, да в слезах и того... Утопился бы, вешаться тут не любят. Мы с тобой сейчас Облачной стране помогаем! Исправляем недосмотры служилых, возмещаем урон, что нанесли беззаконники. Народу, опять же, легче. Представь: вот кабы все, кто печати растерял, о том объявили, взысканий не побоялись — тогда бы им новые печати-то резали за казённый счёт, то есть за счёт простого люда. А так господа сами расплачиваются.

Можно подумать, они свои расходы не возместят потом. Поборами всё с того же народа, больше-то не с кого.

Наверно, я в самом деле старею. Когда-то думал: раз мои писарские умения родной державе не нужны, так пусть послужат тем, кто под устои оной державы пытается подкопаться. Она, надо сказать, ничего лучшего не заслуживала, а я думал: хорошее дело делаю, за такое и в тюрьме сгнить не жалко... И что теперь? Сбежал за море, женился, хожу на службу, прошу меня ни во что сомнительное не впутывать. Эх...

Но спорить о несправедливостях Облачной страны я сейчас не буду. Печать готова, закреплять даже незачем: отчёт-то свеженький, пусть и смажется слегка, ничего.

У-старший полюбовался, улыбается:

— Искусник! Кисть летает, как феникс в небесах, краска ложится, как дракон в ущелье! Завтра отдадим заказчику, послезавтра заходи за своим отрезом.

Вышел меня проводить на крыльцо, тихонько шепчет:

— И — я не прошу тебя словечко замолвить перед тестем, чтоб этих бедолаг-резчиков выпустили. Но уж коли будут бить — похлопочи, чтоб рук не переломали. Под замком не век сидеть, а как потом кормиться?

Похлопочи. Как? Разве что палач любит старинные стихи, пообещать ему редчайшее творение Камэя? Досточтимый сам одобрил бы, не зря он сложил: *Проповедую в тюрьме, на рыбном рынке...* Ох, нет.

— Слушай, — говорю. — Но если эти кражи — дело кого-то из местных... не

знаешь, часом, кого? Если сдать воров, может, наших и вытащим.

— Да я уж принял меры, — усмехается У. — Воришек найти дело нехитрое, а вот заказчика... Пока я одно вижу: все эти заказы идут из одного места. И место то богатое. С кем я толковал, никто не говорит: подрядили, мол, печать украсть, а что найдёшь помимо печати, то и бери в награду.

— Так бы, думаю, никто не подрядился.

— А тут и платят, и долю добычи дают. Кому и для чего может понадобиться столько печатей из разных ведомств? Не иначе, кто-то из тутошних больших людей сам на большую печать нацелился. Золотую.

У государя Облачных островов печать не золотая, но не важно. Я пока всё равно не понимаю. Бережливость такая, что ли: самозванец уже своим людям посулил должности при новой власти, печати заранее изымает и раздаёт, а как все раздаст, тут и грянет переворот? Глупо: печати-то именные. Или просто хотят наводнить страну поддельными указами, постановлениями и прочими распоряжениями, чтобы никто не знал, какие подлинные, а какие нет?

В этом что-то есть. Если постараться, можно определить: оттискивали одну и ту же печать в двух случаях одной рукой или двумя разными. Нажим, угол давления... И кто тогда окажется в наибольшей выгоде? Тот, кто умеет такие вещи распознавать?

Я грабителей с ворами не нанимал, это хотя бы точно.

Иду домой, размышляю — и на тебе! Прямо в лужу плюхнулся!

— Я тебе говорил: смотри, куда прёшь!

Всё тот же голос. И тот же человек в плаще и шляпе.

— Прости, виноват...

На этот раз не прошло. Размахнулся, врезал мне ногою в челюсть — так из меня и дух вон.

Очухался — не знаю уж, сколько времени прошло. Зуб, похоже, раскололся; болит и всё лицо, и затылок... Такой дурак, как я, и в грязи найдёт, обо что твёрдое головой стукнуться.

Умел же я раньше драться. Точно: постарел, сноровки не хватает хотя бы увернуться вовремя. Ладно, будем считать, нарвался на могучего воина...

Или на кого похуже. Вот видел в этот раз его лицо, хоть и в потёмках, но видел. Не помню! Спросят: ты живописец, а не просто писарь, должен был запомнить... А нет. Как будто не было лица.

Ох... Не было лица, да? А плащи были, у него и у меня. И встретил я этого человека дважды, и оба раза не заметил, пока не столкнулся. Вот и ставь тут опыты со стихами...

И печати на поясе — в помине нет.

15. Госпожа с Восьмой улицы

— Нет, я не понимаю! — возмущается батюшка. — Ну, деда, главу Книгохранилища вызвали во Дворец, он обещал подойти попозже — ладно! Ну, мать и мачеха твои считают собственные счёты важнее счёта дней внука — горе мне, я был к этому готов. Дяде вообще не до того — что взять с этого молодца! Но родной отец дитяти — отправился на ночь глядя неведомо куда? Родная мать — ничего не подготовила? Само несчастное дитя — в каком-то затрапезном одеяльце! Как это всё понимать?!

Вся Столица, а может быть, и вся страна знает: ужасен в гнев глава сысского отдела Полотняного приказа. Я бы тоже затрепетала, только, к счастью, за двадцать лет уже привыкла.

— Во-первых, — говорю обиженно, — оно не затрапезное! Это моё любимое зимнее платье! С сосенками. Оно мне дорого, и потому я его не выбросила, не отдала Рю, а заворачиваю в него маленького. То есть теперь оно уже его, и все возможные печати на этом своём достоянии он поставил.

— Хм. Действительно, — уже тише говорит батюшка, приглядываясь ко внуку.

— Мог бы заметить и раньше. Ты же лучший мастер обыска в Столице, а платья родной дочери не узнал! Во-вторых, Рэй тоже скоро будет. Я думаю, он дождётся господина главы Книгохранилища и заявит вместе с ним. Это будет очень прилично. В конце концов: кто хозяин этого дома?

— Так, — кивает господин Намма, ещё не смирившись. — А что у тебя третье?

— А в-третьих, раз ты маленького разбудил, ты его теперь и успокаивай! Ну нельзя при нём вопить, ему же тогда тоже хочется!

И вот страшный полотняный чиновник сидит с внуком на руках и, кажется, извиняется перед ним. Во всяком случае, задабривает. Извиняться, кстати, есть за что: меня такие гостинцы огорчили бы, будь мне триста дней. Письменный прибор, который потребуется через несколько лет, а сейчас — нельзя-нельзя, тушь детям вредно! Деревянная собачка от тёти, которую тоже нельзя-нельзя, потому что об неё зуб сломаешь, самый новый! Только мачеха молодец: прислала одёжек. Вот он немного успокоится, и переоденем во всё новое.

— Это, кажется, уже требуется, — замечает господин старший следователь, ощупывая внука снизу, а свои колени — сверху.

И только-только мы все трое успокоились, как появился мой супруг. В грязи, в крови и в полном отчаянии.

— Что случилось?

— Упал? Подрался?

— Моя вина. Толкнул на улице, кого не следовало. Какого-то воина, незнакомого. Не заметил в темноте, вовремя не убрался с дороги...

— Ты ранен?

— Дёшево отделался, можно сказать: одной зуботычиной. Саблю он не доставал.

Приношу мужу в закуток умыться, переодеться. Сама маленьким займусь.

Господин средний советник, надо отдать ему должное, молчит. Сказал бы: почему из всех дней — именно сегодня? Почему из всех ночных прохожих — именно ты? Почему из всех возможных встречных именно воин? Но господин Намма сдерживается. Придёт глава Книгохранилища, пусть сам и укоряет своего сына.

Ладно. Вот в таком виде, пожалуй, вас обоих, папашу и дитя, можно пустить и к столу.

Маленький успокоился, а большой — нет. Повторяет:

— Моя вина...

— В другой раз ходи с фонарём.

Откуда-то господин следователь знает, что фонаря Рэй вовсе с собою не брал. Не то чтобы потерял, дождём залило, ветром задуло...

— Не только в этом дело, господин средний советник. Я... даже не знаю, как начать.

— Так с чарки и начни.

Супруг мой медлит, хоть и знает: нельзя отказываться, если старший потчует. Это хуже, чем на улице чужих охранников толкать.

— Я лучше скажу, пока трезвый. Понимаете, по всему выходит — это я. Из-за меня на господ служилых нападают. Из-за досточтимого Камэя и из-за меня.

Батюшка не переспрашивает. Молча ждёт объяснения.

— Стихи за пазухой. Лисица. Шелковица. Сегодня вот: два плаща... Скажите, пожалуйста: а ни на кого в последнее время не нападали пьяные? Или когда бы он сам был выпивши?

— Пьяные драки наверняка были, но это страже виднее.

— Это если случилось, то накануне перед тем, как господин из Дождевого дома лисице попался. То есть прелестнице в носилках.

Я-то слышала, что у господина Оданэ подчинённый в пьяном виде печать потерял. И как раз тогда, хотя, кажется, без драки. Листки за пазухой — это у брата, в смысле, у того наместника, кого он спас. Но вроде бы при Рэе всего этого в подробностях не обсуждали?

— Так, — говорит батюшка. — А что за два плаща?

— Тоже стихи Камэя, сегодняшние. В общем, получается: я переписываю для сборника стихи из старой рукописи. Сочинения досточтимого Камэя. В тот же день или на завтра случается безобразие, как будто сбываются именно эти строки. Одного человека обворовали у сводни Шелковицы, ты сам говорил, а в стихах как раз было про шелковицу. Другого заманила лисица, а стихи — про лису, да именно в носилках! Нравоучительные, чтоб красотками не увлекаться... Я уже думал, кто-

то нарочно стихи подобрал и страницы сложил в таком порядке. Ну, это если считать, что все нападения — части одного замысла. Сегодня вытащил листок наугад, переписал его — ну, вот, и со мной сбылось. На мне плащ был и на том воине — такой же. «А в лицо и не узнал...» — и да, лица видно не было. На голове шляпа, да ещё темно... И если я смею называться чиновником Облачной страны, получается, ещё одного чиновника ограбили.

— А тебя ещё и обокрали? — спрашиваю.

— Да. Пока я в себя приходил, пояс утащили с печатью и всем прочим.

— С этого бы и начинал! — говорим мы с батюшкой в один голос.

— Я сам не понимаю, как такое может быть. Но всё сходится.

Как всегда, господин глава Книгохранилища появился неслышно. Некоторое время уже, кажется, слушал у двери. Теперь зашёл, поприветствовал всех, поздравил маленького. И говорит Рэю:

— Напрасно я тебя заморочил этими совпадениями. На самом деле, думаю, если мы сейчас откроем любую книгу в любом месте, там окажется что-нибудь, что в известном приближении подходит к текущим событиям.

Муж мой только головой мотает. А батюшка поднимает глаза на господина Дзэхэя:

— Что-то случилось во Дворце?

— Дурные знаменья, насколько понимаю.

— И тебе велено найти в старых книгах похожие случаи?

— Хуже. Вызывали как живого свидетеля смуты. Той, что на материке. Чтобы я рассказал, с каких предвестий там начиналось.

— А что за знаменья? — спрашиваю.

— Мне не объяснили. Кажется, они являются только Властителю Земель.

И то хорошо. По крайней мере, всю эту суету с печатями знаменьем не сочли.

— Ладно, — молвит батюшка. — Тогда не будем сейчас об этом. А что до твоего рассказа, зять, то я верю: для тебя всё так и представляется. Но послушай, как это выглядит со стороны.

— И как? — не поднимая глаз, спрашивает Рэй.

— Самооговором, причём довольно глупым. Как будто ты знаешь, кто стоит за всеми этими похищениями печатей, нападениями, подменами...

— А, значит, и подмена тоже была, — невесело усмехается Рэй. — «Подменили, не узнать...».

Господин Намма продолжает:

— Знаешь и хочешь этого человека — или людей — защитить такой историей. Мол, дело не в преступлениях, а в чуде, с ним и следует разбираться. А уже задержанных воров, резчиков печатей и остальных — выпустить, они не своей волей действовали, а двигали их строки, сложенные досточтимым Камэем и

переписанные тобою.

— Думать, что это резчики нанимали воров, чтобы нажиться на заказах — это, простите на слове, ещё невероятнее, — откликается Рэй. — Этим бы они всю общину под удар поставили. За такое свои же не простили бы.

— Я пока и не решил, что китайцы тут причастны, — отвечает батюшка. — Но желающие так счесть — имеются. И им большим подспорьем будет, если человек родом с материка выдаст историю вроде рассказанной тобою. А понята она будет именно так, как я сказал.

Ну, и помимо прочего, батюшка очень не любит связываться с чудесами или с чем-то их напоминающим. Но это все присутствующие и так знают.

— Я никого и не защищаю, — мрачно говорит Рэй. — Знаю, что не могу.

Глава Книгохранилища поворачивается к нему:

— И никого зачаровать своей чудотворной кистью ты тоже не можешь. Если бы мог — ты или дух старинного поэта через тебя, — уже выяснилось бы. Ты же каждый день минуешь дворцовые ворота, тебя проверяют люди из Палаты обрядов. Почуяли бы.

У меня тут тоже есть свои соображения:

— И вообще, смотри. Если б было так, как сказал господин твой отец, то зачем воровать? Все, у кого печати пропали, сами бы их принесли куда надо, силою древних строк. Переписчик тут, может, и нужен, а воры — уже нет.

— Ну хорошо, — батюшка смотрит на меня. — Я вижу, ты уже сама придумала какое-то объяснение.

— Насчёт стихов — пока нет, я так быстро не умею. А что до печатей... Ну вот ты рассказывал: был удалец, который вызывал прохожих на поединок на узкой тропе, побеждал и отбирал их сабли — хотел тысячу набрать, да нарвался на молодца сильнее себя. И я сама слыхала разговоры о грабителе, который на улицах раздевал, когда я маленькая была: он, мол, собирает тысячу штанов! Ну, а чем печати хуже?

— Так-так. То есть ему — вору или заказчику краж и ограблений — главное, чтобы печатей было как можно больше, а чьи — не важно?

— Ну да. Ты же сам говорил, что пропадали они и у наместников, и у писарей мелких, у столичных и у приезжих, причём не родственников... Так и выходит.

Рэй отзывается:

— И тогда не в стихах дело. Монах Камэй мог бы сочинять что угодно другое.

— Знаешь, — кивает ему батюшка, — когда я по брови погружаюсь в какое-нибудь дело, у меня тоже каждый день возникает соблазн привязать к нему всё вокруг. Даже если вижу, что связь такая же зыбкая, как с этими стихами. Но я — сдерживаюсь.

Кажется, муж мой уже решил, что его сумасшедшим считают, но возразить

не успел — вмешался господин книгохранитель. Говорит мне:

— Собрать тысячу печатей — достойная задача для жаждущего славы, если ему всё равно, что это будет за слава. Но он ведь может попасться задолго до того, как наберёт свою тысячу.

— Ну так что за слава, если задача простая!

— Когда я жил за морем, был там один случай. Некая шайка расправлялась с чиновниками, не печати воровала, а просто резала и стреляла. Не думаю, что они ставили себе предел в сто или тысячу убитых, но явно думали: чем больше, тем лучше. Так вот, после каждого убийства на воротах города появлялся листок: «Мы, борцы за справедливость, казнили сегодня такого-то продажного чиновника и на том не остановимся!» Если им очень везло, иногда и двое в один листок попадали.

— Ужас какой! А что делал тамошний Полотняный приказ?

— О нём я доброго слова не скажу, но сейчас — про другое. Будь я таким собирателем тысячи печатей, то каждый день вывешивал бы объявление — насколько продвинулся. Может быть, только числа: «три», «десять», «двадцать пять»... И, пожалуй, оттиски свежей добычи своей. А то обидно: поймают задолго до тысячи — так и не успеешь похвастаться!

Да, тут он прав. Я, наверное, так же себя повела бы.

Юный господин дремлет. Когда почти все домашние в сборе, ему спокойнее.

Я знаю, что сказал бы господин уполномоченный Асано, если бы сидел сейчас с нами. Всех примирил бы и утешил, как ему свойственно. Вот, дескать, двор и вся Столица обеспокоены: Государь стал уделять слишком много времени предсказателю. Кто-то решил: это потому, что у Властителя Земель мало насущных поводов для беспокойства. И стал грабить чиновников. Во-первых, каждый служилый покажет, чего стоит, насколько сможет защититься от грабителей или потом с делами управиться без печати. А во-вторых, Государь сможет посчитать, сколько чиновников должно выбыть, чтобы дела все встали. Быть может, это повод задуматься о сокращении состава ведомств?.. И наконец, если уж угодно доверять предсказаниям, то пусть лучше будущее пророчит досточтимый монах прежних лет, письменно и красивыми стихами, а не современный полоумный. В общем, всё действительно подстроено, но лишь ради Государя и державы.

Просидели мы до утра, придумали ещё семь или восемь объяснений, что происходит и почему именно так.

16. Молодой господин Мино

Именно так, как задумывалось, обычно не выходит. Вот и сейчас: кое-что пошло не по замыслу. Но не настолько, чтобы от замысла отказаться.

Молодой господин Мино сидит в своём любимом покое, уже не таком уютном, как обычно. Картины, надписи со стен сняты, скручены, увязаны в чехлы: скоро

уже им отправляться в Приволье вместе с хозяином. Нарядный светильник погашен — день наконец-то ясный, совсем уже весенний, солнце ярко светит сквозь бумажные двери. Прямо на печати, разложенные на столике между господином и его телохранителем.

Здесь не все, что пропали за последние дни в Столице. Некоторые пришлось подменить: одну забираем, другую кладём на её место. Две или три присвоили наёмные воры, хотя и не понятно, зачем.

— Не поверили или не надеялись, что остальную добычу я им оставлю. — поясняет Рокубэй. — Решили, что хапнуть всё выгоднее, чем ждать платы сверх задатка. Как будет время, я до них доберусь.

— Не нужно, — отмахивается Мино. — Чем меньше иметь дела с ненадёжными людьми, тем лучше. Не хватало ещё, чтобы они тебя опознали.

— Я старался перед ними появляться разным. Если попадутся и станут описывать, не получится, что нанимал их один человек.

У врагов надо учиться — даже у многоликого разбойника Барамона. А Рокубэй и впрямь умеет перенимать чужие личины. Простодушный воин, чиновник из дальнего уезда, простолюдин-торговец, уличный грабитель... Только что не дама в носилках, хотя он и её хотел сыграть. Редкое дарование, трудно доверять такому. Но пока придётся.

Эта затея с печатями — их общая, господина и слуги. Когда о предыдущем замысле Мино-младшего узнал его дядя, наместник Приволья, и разгневался, Рокубэй ждал на крыльце, за перегородкой. Молодой господин Мино, конечно, не настолько боится старшего родича, чтобы не посещать его без телохранителя, но — так сложилось... Рокубэй слышал все укоры и угрозы. И что за спиной Барамона и его шайки стоит чуть ли не сам Государь, и что поступить так, как поступил Мино-младший, — значит расписаться в собственной беспомощности, и даже не только собственной, но и других земельных правителей. И никто, мол, не позволял юнцу, ещё ни разу не державшему в руках целый край, позорить имена вельмож опытных, которые и без него бы управились, да ещё доверять всё дело неведомо какому посреднику, возможно — врагу...

Эти речи сами по себе не напугали господина Мино-младшего. Но от Государя вестей нет. То ли вправду новый прорицатель целиком завладел высочайшим сердцем, то ли колеблется Властитель Земель, то ли ждёт следующего шага своих подданных. А хуже всего — дядюшка отповедью не ограничился, пригрозил:

— Смотри! Если ваш заговор провалится — а он не может удаться! — я успею от тебя отказаться. Мне не нужны родственники, которые сговариваются за мою спиной с соседями. И те, что прежде времени ведут себя так, будто уже унаследовали мой край!

Вот из-за подобных отношений между роднёй и получается, что горные

разбойники крепче держатся вместе, чем знатные господа. Даже в одной семье понимание и единство шатки! Пришлось отступить — но так, чтобы не восстановить против себя всех, кого уже втянул в это дело. Терять Привольный край нельзя.

Мино тогда почти пал духом, но тут-то Рокубэй и явился — в тот раз в роли мудрого советника. Изложил замысел с печатями. Составили список тех из них, которые должны пропасть во что бы то ни стало, — начиная с печати самого молодого Мино. Потом — тех, что могут пропасть, а могут и уцелеть. И наконец, прикинули, много ли ещё краж потребуется для отвода глаз.

— Сколько у нас сейчас списочных?

— Семь, считая твою, господин. Больше половины.

— Достаточно. Ещё, пожалуй, одну нашу, две-три посторонних, всё равно чьих — и прекращай. Многовато уже сбоев.

Рокубэй кивает. Деловито, но не покаянно.

Сбой сбою, впрочем, рознь.

Очень глупо вышло с наместником Пещерного края. Надо было Рокубэю подстеречь Пещерника возле его собственной усадьбы, а не на Первой улице. Не учли молодого Намму, зятя царевича, — а надо, надо было учесть! С того раза все вооружённые вылазки готовили вместе. Воров Рокубэй нанимал сам... в основном. И всё равно наместник Охвостья сломал все расчёты. Знать бы: этот его доблестный простой народ явился на подмогу случайно? Или Овари заранее обзавёлся тайными телохранителями? И если второе, то почему? Просто по своей общеизвестной трусости — или понял, кто должен стать следующей жертвой? Но ежели понял и решил сопротивляться, он может оказаться опасен.

Но это сбои, так сказать, уже на поле сражения. Они, как известно, не мешают победить. Если же говорить о походе в целом, то тут Мино, похоже, допустил важный просчёт. Надо разобраться: почему чиновники — в том числе вполне посторонние, случайные — так охотно побежали сознаваться? Ни стыда, ни совести, как сказали бы в Привольном краю. Ни страха. В итоге половина пропаж имеет чёткий срок, известный и страже, и Полотняному приказу. И срок этот недопустимо поздний.

Послушать Рокубэя — выходит, нам эти их признания не так уж и невыгодны. Доказать, что в час ограбления печати при них ещё были, чиновники едва ли смогут. Тогда выглядеть всё будет так, как если бы сперва Оданэ, а потом и прочие вслед за ним для прикрытия пропаж стали разыгрывать кражи и ограбления, сами нанимая головорезов. Быть может, Оданэ это и придумал: с него, прохвоста, случилось бы таким способом выручить товарищей по Государевой службе...

— Вот ещё что, — говорит Рокубэй. — Полотняный приказ и лично младший советник Сайма вплотную занялись китайцами. Это хорошо. Я с приезжими не связывался, а полотняникам обидно будет отступить, раз уж начали. Там,

насколько я понял, ещё и внутрисемейный расчёт. У главы сыскного отдела свояк посол, зять китаец. Если дело хорошо пойдёт, авось, этот Намма и в отставку подаст: как причастное лицо. Ближайший, кого выдвинут на его место, — тот самый Сайма, тоже из дома Конопки. Ему обличать китайцев напрямую выгодно.

— Надеюсь, ни одной приказной печати не пропало?

— Ни одной, я слежу.

Мино кивает:

— Повезло мне с тобою. Надёжный человек.

— Заслуги мои ничтожны, — кланяется Рокубэй. — Господин и без меня бы справился.

Когда всё успокоится, надо будет взять его с собою в Приволье. Пусть там и исчезнет. Там, увы, люди часто пропадают.

17. Средний советник Намма

Пропадают печати по-прежнему, хотя за прошедшую ночь — только два новых случая, считая нападение на переписчика Дзэхэя-младшего. Если дочь господина Наммы права, то до тысячи ещё далеко. Кажется, приказным уже известен день, когда это наводнение достигло верхней отметки: во второй день Пса нынешнего месяца печати исчезли сразу у семерых чиновников. По крайней мере, тогда они это обнаружили, может, и с запозданием.

Резчики второй день сидят под замком, но пока без толку. Кроме китайца Рэя просить за них никто не пытался, хотя сыщик Сайма и надеется: быть может, знатный покровитель этих негодников выдаст себя. Удалось выйти на след ещё двух воров, да городская стража уступила-таки своего задержанного. Никакого толку от этих жуликов добиться не удалось: действовали по найму, заказчик — рослый незнакомец грозного вида, но без особых примет, говорит по-столичному. Один вор ещё не успел сдать добычу — был схвачен с поличным; за ним проследили до назначенного места встречи с заказчиком, но тот не появился. Глава Приказа бурно выразил своё разочарование работой сыскного отдела. И велел всё-таки проверить хотя бы своих чиновников: у них-то хоть печати на месте?

Приказные на такое недоверие обиделись, но печати предъявили. Все, кроме двоих, которых на тот час не оказалось на месте. Одного рассыльного и одного делопроизводителя, Наммы-младшего. Последний, вообще-то, должен был присутствовать, но оставил записку, что отправился на встречу с соглядатаем, кажется, многообещающую... Остаётся надеяться, что это правда.

Средний советник снова и снова перебирает у себя на столе одинаковые чертежи Столицы. На черновой тонкой бумаге, чтобы можно было их попарно смотреть на просвет. Разметка мест нападений и краж. Разметка усадеб

пострадавших. Разметка домов, где, насколько помнят пострадавшие, каждый из них бывал незадолго перед пропажей печати. Другой, недавно начатый лист: места, где, по словам наёмных воров, с ними встречался заказчик. На каждом листе красные точки, тонкие чёрточки от них — в сторону Первой и Второй улиц, к усадьбам, где у каждого из известных Приказу обокраденных чиновников живут главы их семей и ведомств.

Никакой закономерности. Даже если дочка права, и похититель выбирает жертвы наобум — всё-таки должен этот случайный выбор что-то сказать о нём самом. Где он живёт, где бывает по делам, или наоборот, где надеется остаться неузнанным. Но — увы. Впечатление такое, будто перед нами особа, одинаково хорошо знакомая с каждым переулком в огромном городе — или равно плохо знающая их все. Воров таких мало, служилых тоже, даже соглядатаи Приказа обычно работают в двух-трёх хорошо изученных кварталах. И это значит: собраны далеко не все данные. Полной картины нет.

На всех листах чист остался только прямоугольник в северной части города — Дворец Государя. И это, к сожалению, также может объясняться двояко. Или сюда злоумышленник и его люди не вхожи — или данных по кражам во Дворце Приказ до сих пор не добыл. Запрос в обе дворцовые стражи послан — ответа нет.

Снова и снова в Приказе раздаются речи: не запросить ли всё же дозволения на проверку всех восьми ведомств? Нет, жёстко отвечает господин Асано-средний. Этого-то, вероятно, негодяи и добиваются, а потакать им мы не будем. Конопляный дом, как известно, не идёт на поводу у тех, кто пробует его запугать.

Младший советник Сайма подходит, оглядывает ворох чертежей. Хмуро и немного смущённо молвит:

— Это глупо, конечно, но... Может, привлечь Ведомство Тёмного и Ясного начал — с их данными всё это никак не соотносится? Вдруг окажется, что кто-то недавно заказывал гадание, и для него оказались благоприятны именно все эти места? Хотя, конечно, такое было бы слишком большой удачей...

Нет уж. Намме хватило вчерашнего сопоставления похищений со стихами столетней давности. Если свои объяснения ещё дадут и знатоки добрых и дурных направлений и дней, всё запутается ещё больше.

— И ещё. Тут у нашего чертёжника есть соображение, — продолжает Сайма, кивая в сторону дверей того отдела, где сидят приказные писари. — Возможно, не вовсе бессмысленное, хотя и не стыкуется с показаниями воров.

— Какое же?

— Конец года. Многим нужны средства на уплату старых долгов и на срочные взятки. Не давал ли кто-то ссуды под залог печатей? И тогда наши пострадавшие просто врут: ведь если у них печать украли, они виновны в недосмотре и только, а если сами её заложили — это уже бесспорное злоупотребление.

— Едва ли, — качает головой Намма. — Не только в признаниях воров дело и даже не в том, что у пары ограблений имеются свидетели. Конечно, это всё может быть подстроено. Однако на подобную ложь пошла бы всякая мелкая сошка — но не наместники же! А у нас и такие имеются.

— Ну да. И к тому же, едва ли разные ростовщики сговорились такие заклады брать. А богача, кто мог бы один ссуду дать стольким людям, я не знаю. Нет, это не объяснение...

Разве что занимали чиновники небогатые, а ссужали их как раз наместники и другие вельможи, через посредников. Одни ссужали, другие принимали взятки, а потом все они испугались слухов... Но ведь слухов-то и не было! До признания конюшенного Тамбы вообще ни о печатях, ни о проверках речи не шло!

Вдобавок ко всему Намма-младший в Приказе так и не появился до конца служебного дня. Закончив на сегодня с делами, средний советник отправился на поиски сына. Не случилось ли беды, как накануне с Хисаёси?

Вообще с этой осени мальчик, кажется, вошёл во вкус сыскного дела — а в последние дни его рвение и вовсе удивительно. Можно было бы только радоваться, но хотелось бы понять причину. Это всё поездка в Приволье, столкновение с разбойниками и местной знатью, гибель рассыльного Бана? Или благое влияние молодой жены и тестя? Нет, на Восьмого царевича не похоже... Или у делопроизводителя тут личная заинтересованность?

Следователь Намма остановился прямо посреди главной площади. О том, что нынче будут проверять, целы ли печати у всех приказных, шептались ещё вчера. Сын наверняка об этом слышал. Когда Намма-старший в последний раз видел его печать? Пять, шесть... не меньше десяти дней назад. Неужели пропала, и потому-то делопроизводитель и мечется по Столице, чтобы первым её разыскать и сделать вид, будто всё в порядке?

Намма направился к усадьбе царевича Оу, на Первую улицу. Его впустили, любезно приветствовали. Нет, господин делопроизводитель сегодня ещё не возвращался. Да, конечно, господин средний советник может подождать у него в покоях. Добро пожаловать!

Между прочим, следователь давно уже не навещал сына в его новом жилье — почитай, с самых первых дней после свадьбы. Нехорошо — но и докучать царевичу лишний раз было бы неудобно.

В покое Наммы-младшего — чисто и прибрано, совсем не так, как когда он жил в отцовском доме. Видимо, у царевича лучше следят за порядком. Впрочем, и отсутствие в усадьбе малых детей может иметь значение... Или требовательность невестки. Или просто Садаёри наконец повзрослел...

На службу делопроизводитель сегодня, похоже, и не собирался — вот, на распялках висит должностное платье, на столике рядом лежат шапка и пояс.

Отправился куда-то по частному делу — или притворился, что это так. По крайней мере, едва ли попадёт в такую же переделку, как Хисаёси, который своих китайцев в трущобах навещает в полном казённом облачении.

Намма подошёл к столику, взял в руки пояс, взвесил на руке ларчик с печатью. Не пуст, уже хорошо; но лучше удостовериться. Сыщик открыл коробочку, вытащил печать. Хвала всем богам — та, что и должна тут быть: «Намма Садаёри из дома Конопли. Делопроизводитель. Полотняный приказ».

Средний советник шумно выдыхает, бережно кладёт печать и пояс на прежние места. На всякий случай ещё раз оглядывает комнату — по привычке и просто из любопытства.

Одежды всякой много, в основном новой и нарядной. Можно сказать, щегольской на пределе уместного для простого делопроизводителя. Равняется на знатную молодёжь, гостей царевича? Или просто — увеличились возможности, возросли и потребности? В чём он утром отправился из дома, в любом случае не определить.

А вот лука и стрел не видно. Или в этой усадьбе все подобные снасти держат в особой оружейной камере, или мальчик счёл, что сегодня они ему могут пригодиться. По какому же следу он пустился?

В детстве любил читать — сейчас книг тут почти нет. Два-три сборника стихов, деловой письмовник, китайское сочинение по государственному управлению, «Извлечения из Облачного летописания»... А это что за свиток в изголовье? Узорная обложка, как для прошения на Высочайшее имя. А почерк-то, почерк каков! Впрочем, и содержание примечательно...

Следователь Намма разворачивает свиток и углубляется в чтение.

Верные Государевы слуги в трепете доводят до сведения Властителя Земель: шестнадцать из шестидесяти шести областей Облачной державы охвачены мятежом. Необъявленным, но оттого ещё более опасным. Злодейские шайки во главе с атаманами, присвоившими себе общее прозвище Барамон, прикрываясь речами о благе страны и народа, чинят разбой, обируют простой люд, запугивают чиновников на местах, препятствуют законному ведению дел. Мятежники многочисленны и хорошо вооружены, подобно диким зверям, скрываются в горах и чащах. Нижеподписавшиеся испрашивают для себя и для своих родичей, служащих в мятежных краях, Государева решения: применить для подавления смуты военную силу, включая державные войска. И умоляют назначить единого военачальника, ответственного за усмирение.

Подписи по кругу, двенадцать печатей. В основном наместничьи: Медвежий край, Речной, Заозёрье, Перевалы, Пещеры, Охвостье, Верхняя и Нижняя Киноварные земли. Остальные печати столичные, дворцовые: младший сокольничий, прежний наставник царевичей, стольник и средний советник

Дворцового ведомства.

Сыщик Намма в уме переставляет печати в другом порядке: как они шли бы, если бы были оттиснуты на чертеже Облачной страны. На севере от Столичной области — Заозёрье. Дальше на восток два пробела: Подступы и Озёрный край не представлены, зато есть Перевалы, что за Подступами. Далее к югу пропущено Приволье... Впрочем, среди печатей есть Мино, средний советник — племянник Привольного наместника. К югу от Приволья, постепенно возвращаясь с востока к западу: Охвостье, Пещеры, и, минуя Укромный край, сразу Медвежий. И снова пропуск: Подгорье и Прибрежный край, где гавань Нанива. Движемся к северу: Речной край, оба Киноварных, а с ними уже граничит Заозёрье. Кольцо вокруг Столицы замкнуто.

Надо вспомнить. Сокольничий — сын наместника Укромного, этот пропуск заполняем. Стольник — брат наместника Прибрежья. И наконец, наставник: его предки вообще с материка, зато у него учились грамоте несколько поколений Облачного рода. То есть все Буревые, Дождевые, Туманные господа ему не чужие, как и хозяин этой усадьбы, царевич Облачный Покров. Ну, а Озёрный наместник — тоже царевич, так что, можно считать, из всех ближних к Столице областей не охвачены остались Подступы и Подгорье.

А ведь и в этих двух краях шайки Барамона объявлялись. Равно как и в Заперевальном краю и в Ущельях: это уже дальше к северо-востоку. Итого шестнадцать областей. Из Укромного и Охвостья у Полотняного приказа прежде сведений о разбое не было.

Впрочем, поставить своё имя под таким прошением Подгорный наместник, кем бы он ни был, не мог бы. Ему бы господа из Подгорного рода, братья младшей государыни, раньше руки оторвали вместе с печатью.

Кстати, о печатях: каких из них в последнее время недосчитались? Наместник Пещер — ограблен в двух шагах отсюда. Перевальный не сообщал в Приказ, но Сайма толковал с его писарем — похоже, тот в эти дни никаких грамот не заверял, всё откладывает. То есть возможно, но не наверняка. Молодому Мино печать подменили, об остальных дворцовых ничего пока не известно. Наместник Охвостья отбил от нападения. Наместник Медвежьего края как раз этим утром прислал в Приказ письмо с просьбой встретиться завтра — по некоему тайному делу. Наместник Заозёрья, если и остался без печати, никогда не признается. А заготовку для Перевальной печати обнаружили у китайских резчиков. Остальные известные на сегодня пропажи вроде бы к этому кольцевому списку отношения не имеют.

Что всё это значит?

18. Делопроизводитель Намма-младший

— Что всё это значит?

На самом деле тут и спрашивать нечего. Старший следователь Намма обыскивает жилище собственного сына, воспользовавшись его отсутствием. Наверное, подобного надо было ожидать — но я не ожидал.

— Пытаюсь понять, где ты пропадаешь и чем занимаешься, — спокойно говорит батюшка. — Вот к этому, — он поднимает свиток, — ты какое имеешь отношение?

Хорошо же. Отвечу на заданный вопрос — а чем я занимался сегодня, пусть выясняет сам, коли так.

— Меня попросили при случае передать грамоту Властителю Земель.

— И что, случай не представился?

— Сейчас не время. А может, и вообще не будет такого случая.

— Понятно, — кивает отец. — То есть это тебе решать, будет или не будет. Но тогда ты должен был позаботиться или о том, чтобы прошение о подавлении смуты стало известно Приказу, или о том, чтобы оно никому из наших на глаза не попало. А не бросать абы где.

В общем-то, конечно. Но я на обыск не рассчитывал. Спрашиваю:

— И что теперь? Изымешь?

— Пожалуй, изыму, — говорит господин средний советник и усаживается. Показывает мне: ты тоже садись, разговор будет длинный.

Некоторое время ко мне присматривается. Не понимаю, что он хочет увидеть. Или просто давно не видел меня в неказённом платье? Потом спрашивает:

— А кто тебя в эту затею впутал?

На самом деле, наверное, Барамон. Но я отвечаю на то, что он имел в виду:

— Средний дворцовый советник Мино. Он знал, что Властитель Земель порою достаивает меня беседой. И не знал, о чём.

Про свою встречу с разбойниками в Приволье я Государю уже поведал осенью. Сперва — в тайном докладе, потом устно уточнил подробности. Так тогда и не понял до конца: Властитель Земель просто уже знал об этих Барамонах или сам ими тайно и руководил? А потом всё переменялось, появился прорицатель, и больше поговорить о государевых негласных помощниках не удалось...

— И ты прошение взял, а передавать не стал, — кивает отец. — Ни Государю, ни мне. Это я понял. Но вот любопытно: а понял ли сам Мино со товарищи?

— А с чего бы? Он меня уже спрашивал, я сказал, что свиток отдал. Господин дворцовый советник спросил: и что? Я отвечаю: Властитель Земель изволил грамоту прочесть, бессловесно выразил гнев, порвал её в клочья, но потом обрывки сложил и прочёл ещё раз. А вслух ничего не сказал, и угадывать его ответ я не берусь, ибо не ведаю, что там было написано. Я же обещал, что читать не буду!

— Странно, откуда такое доверие между тобою и господином Мино.

— У него не было другого выхода. Кроме того, он знает, что я в обиде на его дядю, и считал, наверное, что я грамоту всё же прочту и охотно помогу ему господина Мино-старшего обойти и сесть на его место.

Батюшка кивает:

— Понятно. А мне ты ни о чём не сказал — почему?

Ну как ему объяснить?

— Это не из-за тебя. Я же уже говорил, что считаю: Барамон действует на благо Государя и державы. А если бы в Приказе прочли эту грамоту, пришлось бы что-то делать.

Он смотрит на меня, невесело усмехается:

— Так в Приказе об этих разбойниках дело давно заведено. И уже решено ничего пока не предпринимать.

— А — почему? — спрашиваю я. Кажется, выставляя себя дураком, но теперь уж не важно.

— Потому что непонятно, что с ними делать. Точнее, господин глава Приказа не уверен, справимся ли. То, что творят эти твои Барамоны — безобразие, но не большее, чем безобразия наместников. В пределах допустимого. А вот если объявить это мятежом, попытаться подавить и не суметь — это уже потрясение основ, если можно так выразиться. Непростительная ошибка. Действовать же безошибочно мы пока не в состоянии — недостаточно сведений. Их потихоньку собирают, но это дело небыстрое. Вот даже в этой бумаге для меня обнаружилось кое-что новое...

— Любопытно, — спрашиваю я, — а к самим наместникам сказанное тоже относится? Надо бы их вывести на чистую воду, но боязно, что не выйдут?

— Выйдет, но постепенно. Думаю, многие из них утверждены в это Новогодие на прежней должности не будут. А некоторых переведут на места почётные, но никакой свободы действий не предполагающие. Слишком на виду.

— Вообще-то иные из них, я думаю, заслуживают по меньшей мере отставки. Полной.

— И кто займёт их места? Разбойники?

— И то больше пользы было бы, — ворчу я, но понимаю: с таким батюшка никогда не согласится. И даже не поверит, что я это всерьёз.

— Ладно, — говорит господин средний советник уже вполне служебным голосом. — Но ты понимаешь, что из-за твоего молчания половина Приказа уже восемь дней тратит силы впустую? И ты сам в том числе? Что вот оно, — он встряхивает свитком, — дело о печатях?

Буду честен:

— Нет, не понимаю.

— Наместники и их родня подали прошение. Ты им сказал: Государь прочёл,

но разгневался. Они ждут и видят, что ответа нет: никого из подписавшихся не вызывают для объяснений, ни о каком мятеже не объявлено, никакие войска никуда не движутся. То есть — не получилось. И может так выйти, что их подписи под этой грамотой окажутся использованы против них же.

— То есть они тоже считают, что Барамон действует с ведома Властителя Земель и согласно его воле? — уточняю я и прикусываю язык. Но отец, кажется, не обратил внимания:

— Например. Или наоборот: раз уж Государь клочки сложил и послание перечитывал, он готов пойти навстречу просьбе. Но полномочным воеводой для усмирения разбойников собирается поставить совсем не ту особу, которую они имели в виду. И этот воевода разберётся с ними не хуже, чем с разбойниками.

— Кстати, а кто он, этот воевода? — спрашиваю я как бы вскользь. Потому что над этим я много думал, но так и не догадался.

— Понятия не имею. Сейчас оно и не важно, раз ты всё равно грамоту Государю не отдал. Так или иначе, свиток этот, решают наместники, становится опасен для них же. А отпереться уже трудно: тут их печати стоят. Разве что...

Ага, наконец-то я сообразил:

— Разве что они тут ни при чём — это враги украли у них печати, составили от их имени прошение и передали Властителю Земель. Но если их спросят, они признаются, что печати пропали, Приказ это подтвердит, а сами они заверят Государя, что тут написана полная чушь и клевета, никаких разбойников нет в помине и в землях их всё благополучно.

— Подозреваю, что так, — кивает батюшка.

— И даже если я скажу, что получил эту грамоту от дворцового советника Мино, кому скорее поверят: делопроизводителю или наместникам и прочим вельможам?.. Но вот что не сходится: печати же украли не у всей этой дюжины. По крайней мере, старик-наставник не далее как вчера вот тут, у царевича, ставил свою печать под какими-то стихами, переписанными его рукою. И, с другой стороны, ни Тамба, ни Кабуто, ни вообще большинство из тех, кто остался без печатей, к прошению отношения не имеют. Или всё-таки имеют?

— Всё-таки нет. И это на руку тем, кто устроил кражи: пропади только и именно те печати, что проставлены на прошении, — Властитель Земель (а они считают, что грамота у него, пусть и рваная!) уж сумеет сложить два и три и разобраться, в чём дело. А так — ну, мне вот они сумели отвести глаза. И, что даже более примечательно, тебе, хоть ты этот свиток и читал.

То есть самое лестное, что я о себе могу сказать, — что я сам себя перехитрил. А на самом деле даже хуже...

— И что теперь? — спрашиваю я.

Батюшка сразу не отвечает: прикрывает глаза, втягивает щёки — думает.

Наконец говорит:

— Теперь придётся следить во все глаза, но не за всеми чиновниками в Столице, а за теми, кто грамоту подписал, а судьба их печатей нам не ведома. Ты, похоже, больше меня имел дело с этим младшим Мино. Как считаешь: он остальным твою выдумку пересказал?

Тут и считать нечего:

— Нет, конечно. Иначе бы они его уже самого на клочки разорвали. И не стал бы Пещерный наместник подставлять собственную голову, чтобы след замести, а наместник Охвостья из тех же соображений доблестно отбиваться.

— Ладно, — батюшка встаёт, сворачивает свиток и прячет его в рукав. — Пожалуй, так и поступим. Кстати, а где ты сегодня пропадал весь день?

— Уже не важно, — говорю. — Получается, что гонялся за собственным хвостом.

Господин Намма собирается уходить, я его почтительно провожаю. Уже на пороге он молвит:

— И ещё. Скорее всего, это не имеет отношения к делу, но не спросишь ли ты у господина своего тестя: не питает ли Мино или ещё кто-то из всех этих особ особой страсти к сочинениям досточтимого Камэя?

И удалился, ничего не объяснив.

19. Средний советник Намма

Ничего не объяснив лицам, подписавшим прошение, действовать не получилось. Впрочем, некоторые из них уже остались без печатей — за ними и следить не надо. Другие большую часть времени проводят во Дворце — их пришлось отложить, слезка потребовала бы слишком обширных межведомственных согласований. Бывший наставник царевичей, услышав, что его хотят оберечь от воров, только посмеялся: службы, мол, я уже не несу, а творения мои подлинные знатоки отличают по руке, а не по печати! И отказался наотрез. А вот наместник Заозёрья, человек знатнейший и уже в преклонных годах, очень увлёкся:

— То есть за мною будут следовать люди из Приказа, незримо даже для меня, и если кто-то попытается похитить печать — схватят его? Давненько я не участвовал в таких приключениях!

— Осмелюсь уточнить, — заметил следователь Намма, — не схватят, а позволят совершить кражу и потом проследят за преступником до его логова. Там и возьмут.

— Жаль, жаль! Самого занятного я и не увижу! Ну да будь по-вашему. Только печать потом извольте вернуть.

Средний советник Намма Заозёрного господина хорошо понимает. Ему и самому хотелось бы лично заняться слежкой — когда-то он был в этом деле неплох... Но времена меняются, главе сыскного отдела собственноручно хватать злоумышленников не подобает по должности. Да и года дают о себе знать — скоро сорок, не опозориться бы перед младшими сослуживцами! Наместник, правда, ещё старше, но он и порывался быть лишь зрителем...

В конце концов выбрали сыщиков для слежки, Заозёрного наместника взял на себя младший советник Сайма как второй человек в отделе, и с ним два пристава и рассыльный. Сам Намма остался в приказе дожидаться новостей. Ждать пришлось долго, он уже усомнился: а может, прошение тут и ни при чём? Но тут примчался рассыльный, назначенный для связи:

- Есть! Заозёрного господина ограбили!
- Подробности?

Выяснилось, что речь скорее о краже, чем о грабеже. Как и несколько раз до этого, злоумышленники дождались, пока наместник отправится куда-нибудь в носилках. На главной площади навстречу попался воз с новогодними припасами для какого-то дома, возчик захопотал, уступая дорогу знатному господину, дёрнул вола за поводья в сторону. На развороте воз сбил с ног одного из носильщиков. Носилки накренились, наместник из них едва не выпал, испуганный возчик бросился ему помогать, умоляя о прощении, — и когда Заозёрный господин милостиво отпустил его, удалился с волом, возом и с наместничьей печатью.

— Господин младший советник следует за ним, а меня отослал в Приказ с докладом.

- Наместник не пострадал?
- Вроде нет, даже не очень разозлился.

Сайма прибыл ещё через час, в сопровождении целой толпы. Кроме приставов с ним — двое перепуганных мужиков, доселе Приказу неизвестных, челядинец Рокубэй из дома Мино и — куда же деться? — пара китайцев. Все восьмеро выглядят, как после драки, растрёпанные и побитые. Что особенно любопытно — связаны все, кроме приказных.

— Это всё грабители? — любопытствует Намма.

— Воры, сообщники и подозреваемые, — уточнил младший советник, вручая начальнику печать Заозёрного наместника. Один из китайцев возмущённо завопил:

— И добровольные помощники законных властей! Покорно прошу различать!

Сайма докладывает следующее. Рослый поселянин, у которого меньше всего синяков, действительно привёз в город припасы для старой госпожи с Пятой улицы и её домашних. Но носилки наместника своротил не он, а второй, пониже. Этот человек подошёл к возчику сразу за городскими воротами, угостил выпивкой, попросил одолжить на час-другой воз и посулил хорошо заплатить. Поселянин

согласился, ибо не спешил, но сам двинулся следом, чтобы приглядывать за хозяйским добром. Так они час бродили по Столице, а потом произошло то самое уличное столкновение, причём настоящий возчик вмешиваться не стал, а, напротив, попытался скрыться (и угодил прямо в объятия пристава). Возчик же поддельный отцепил ларчик с печатью с пояса Заозёрного господина, отъехал подальше, поискал своего товарища и, не найдя, бросил воз и вола прямо в переулке.

— И если их свели, — мрачно подаёт голос мужик, — то я уж и не знаю, что сказать старой госпоже!

А вор, продолжает Сайма, поглядел на солнце и поспешно направился к реке. Где и был схвачен на берегу под мостом, как раз в тот миг, когда передавал ларчик вот этому Рокубэю. На приказ Саймы стоять на месте и отдать краденое воин словесно не отвечал, но пустился бежать вдоль реки к югу, сбивши с ног пристава. Младший советник погнался за ним, Рокубэй на бегу выхватил саблю из ножен. Сабля — вот, изъята. Сыщик также обнажил оружие, завязалась драка, но тут сверху, с берега, на головы бойцам свалились китайцы. Один с дубинкой, другой безоружный, но, как оказалось, хорош в рукопашном бою. Сайма без всякой радости вынужден признать: эти двое действительно помогли ему. Что, впрочем, ещё не говорит о честности их намерений.

— Вас двое было, господин сыщик, — встречает китаец постарше, — Двое, да на руках у вас задержанный. Сам посуди: кабы мы не подоспели, вы же этого головореза упустили бы, а то и хуже... И хотели бы мы с братом чего дурного — мы б сбежали, у вас-то рук уже не хватало нас ловить.

— А чего вы хотели хорошего? — спрашивает Намма.

Младший китаец подмигивает:

— Тебе ли не знать, господин начальник? Этот негодяй третьего дня напал на нашего названного братца, Государева переписчика. Избил и ограбил, да ещё и в нашем квартале. Позорно и недопустимо было бы это так оставить!

— То есть вы за ним тоже следили?

— Ну да. И вот, выпал случай пригодиться державе!

— А вы сами кто такие?

— Прозвание наше У. Ежели господа пожалуют бумажку, я напишу, который знак «У» — наш. Мы со старшим братом оба садовники.

В прошлый раз, насколько помнится Намме, братья У выглядели как-то по-другому. Но — как знать, сколько братцев в этом семействе...

Китайцев Намма похвалил, велел развязать и выставил вон из Приказа. Сайма глянул с подозрением, но возражать не стал. Более того, предложил мужика тоже выпустить: пусть ищет своего вола, пока не пострадали другие проезжие. Сам же, когда в сыском отделе стало посвободнее, обратился к Рокубэю.

— Я ж тебе верил! Я ж тебе, скотине, помогал!

— Я тебе тоже, — спокойно отвечает Рокубэй.

Могу я им наедине заняться? — просит взглядом младший советник. Намма, однако, кивает на вора. Будем двигаться по порядку: пусть сначала этот малый расскажет, кто, когда и зачем его нанял.

— Говорили мне не связываться с ним, — сокрушённо ворчит воришка, указывая на Рокубэя. — Но вот он мне плату-то хорошую посулил, и в задаток полотна дал, и ещё штаны распоротые, да и затея с возом занятная — а вот как вышло... Если б на господина напасть надо было — я б, конечно, отказался. А тут ведь только лицедейство и ловкость рук — вот я и решил себя испытать...

Итак, Рокубэя он сдал, но твёрдо стоит на том, что работал на него впервые. Впрочем, телохранитель господина Мино ничего не отрицает: сидит неподвижно, молча и глядит прямо перед собой.

— Прежде чем вести тебя в темницу, — говорит ему Намма, — и предъявлять для опознания остальным вора, я тебя сразу спрошу: за другими кражами печатей тоже ты стоял?

Рокубэй косится на среднего советника. Разлепляет губы:

— Да.

— А за тобою — кто?

— Никого. Это я сам задумал и осуществил.

— Но тебе-то это зачем?

Рокубэй усмехается:

— Хотел показать всей Столице и самому Государю, чего стоят господа чиновники. Разини, лжецы и ленивцы. Не рассчитал — ваши люди чуть порасторопнее остальных оказались.

— И только ради этого подверг такой опасности и себя, и семью свою, и господина? Не говоря уж об исполнителях твоих заказов.....

— Семьи у меня нет, померли все. Господин тут ни при чём, он ничего не знал. Да он и сам такой же, как другие: тоже без печати сидит. А воры — что им? У них работа такая, опасная. Кто из них попался и меня опознает — я спорить не стану, чего уж теперь.

Верный челядинец даже не пытается врать убедительно. Просто будет запирается до конца, всю вину возьмёт на себя. Не первый уже случай за время, что Намма служит в Полотняном приказе...

— Где печати? — спрашивает старший следователь.

Но тут в дверях Приказа слышится возня. Дневальный заглядывает к сыщикам:

— Господин средний советник! Тут к тебе из Книгохранилища. Говорит, срочно...

И пропускает вперёд переписчика Дзёхэя-младшего.

Если сейчас выяснится, что парень явился просить за своих братцев... Или если монах Камэй сегодняшние события предсказал в очередном стихотворении... Или беда на Восьмой улице?

В руках у китайца какой-то свиток. Что?! Грамота знакомого вида, та самая, которую Намма изъясил у сына?

Не может быть. На ощупь — свиток вот он, в рукаве у Наммы. Но тогда...

— Веди этих обоих в тюрьму, — велит средний советник Сайме, указывая на воина и вора. — Выясни, где краденное. Я потом присоединюсь.

А сам подаёт Рэю знак пройти в закуток.

— Это у тебя что такое?

— Кажется, доклад на высочайшее имя. Лежал у нас в Книгохранилище, в бочонке с «Изборником». Только, по-моему, грамота совсем новая. И отметок нет, что она нам передана. И что при дворе получена — тоже не помечено.

Намма разворачивает свиток. Он в точности похож на прошение двенадцати чиновников: та же бумага, наклеена на ту же ткань, и обложка, и завязки такие же. Но почерк и содержание иные. Здесь преданный подданный один: смиренно молит Государя в будущем уделить сугубое внимание просвещению, дабы на должности отбирались достойные, а нравы постепенно смягчались. Подпись: средний советник Дворцового ведомства Мино. И соответствующая печать, та самая, которую, по словам Рокубэя, подменили.

— Очень хорошо, — молвит Намма. — Только прошу тебя: в другой раз не тащи такие находки сюда. Оставь на месте и зови приказных.

Рэй покаянно кланяется. Следователь продолжает:

— Молодой господин Мино, средний дворцовый советник, у вас в Книгохранилище бывал в последнее время?

— Заходил, дней шесть или семь назад. Если, конечно, это он был. Приволье и Мино это одно и то же?

— Именно.

— Значит, был. Он не книги брал. Зашёл с ещё двоими или троими, спрашивал, какие стихи Камэя можно списать. Не воспел ли сей странник святыни Привольного края...

— И как, воспел?

— Да. Брагу там, дескать, хорошую готовят. Подделать же такую немислимо, ибо вся суть в воде.

— Понятно. Свиток оставь мне и пока о находке не распространяйся.

И пока китаец не ушёл, Намма добавляет:

— Благодарю. Это ты в самом деле вовремя подоспел.

Потом — к Заозёрному наместнику: почтительно вернуть печать. Тот попросил:

— Вижу, ты сейчас занят, но хотел бы потом получить письменный рассказ обо всём, что я пропустил!

Потом — в тюрьму, благо она тоже в городе, а не прямо при Приказе: во Дворце проливать кровь нельзя. Младший советник Сайма допрос провёл, Рокубэй уже без сознания. Нового от него добились немного.

— Воры его опознали, — говорит Сайма, — по крайней мере ещё двое. А где печати — он просто издевается!

— А именно?

— В Ивовом омуте, говорит. Хотите, мол, — выуживайте. Покажите, что не все чиновники Столицы лентяи и белоручки...

— Про тебя этого точно не скажешь, — кивает Намма на окровавленные кулаки подчинённого. — Перед возвращением очиститься не забудь. Водолазов попробуем снарядить, но надежды мало. Ладно, авось теперь хоть с кражами покончено. Я в Приказ сегодня не вернусь — хочу побольше узнать про этого Рокубэя и его покойных родичей. И навестить его господина.

20. Молодой господин Мино

Господина Мино-младшего смутить не так-то просто. Даже посещением главы сысского отдела Полотняного приказа. Даже когда тот выдвигает несусветные обвинения.

Если бы Рокубэй под пыткой проговорился, Мино уже тащили бы в застенок. Или нет? Или тут какая-то приказная хитрость?

Изблизи этот Намма выглядит менее страшно, чем на расстоянии. Маленький, пухлый, ненамного старше самого Мино. Средний советник — и дальше уже не продвинется. Бояться его не надо. Ни в коем случае нельзя бояться. Только того он и ждёт...

— Я понимаю, что мои извинения в столь вопиющем случае совершенно недостаточны, — скорбно молвит дворцовый советник. — Я позорно недосмотрел за своим человеком, не различил в чертах его и поведении склонности к безумному смутьянству. Но что я могу предложить? Если я скажу: выдайте мне Рокубэя, я его уничтожу! — Полотняный приказ всё равно же не согласится?

Намма кивает, потом спрашивает:

— Давно ли Рокубэй служит вашему дому?

— Он служит — служил — лично мне. Каковы бы ни были счёты моего дяди с Конопляным домом, здесь в ответе только я.

— И всё же?

— Года три. Я считал его проверенным человеком, но, увы, поторопился с суждением.

Чуть помедлив, Мино уточняет:

— Его казнят?

— Казнят или сошлют, — отвечает Намма, — пока ещё нельзя сказать точно.

В любом случае, поздравляю тебя с преданным челядинцем.

То есть не выдал. И теперь следователь пытается давить на стыд: как, мол, ты позволишь ему умереть из-за твоей несчастной затеи? Но, во-первых, затея была как раз его, Рокубэя. Во-вторых, так оно и делается: истинно преданный слуга идёт на смерть, а чтобы его верность не пропала втуне, господин от него отрекается.

— Однако дело может оказаться более щекотливым, чем утверждает этот негодяй, — произносит сыщик.

— А именно?

Никто и не ожидал, что Рокубэя им хватит. Иначе бы этого чиновника тут не было.

Намма достаёт из рукава свиток:

— Речь о прощении на высочайшее имя, которое ты подал не вполне обычным путём.

Мино-младший на треть разворачивает свиток, кивает:

— Сожалею. Возможно, мне действительно не следовало обращаться к господину делопроизводителю в обход правил. Но, понимаешь ли, при дворе много говорят о его близости к Властителю Земель... Вопросы просвещения не ждут — вот я и решил двинуться кратчайшим, как полагал, путём...

Бросает беглый взгляд на следователя: воспользуется случаем? В конце концов, Конопляникам тоже едва ли хотелось бы, чтобы их юный родич оказался замешан во что-то опасное. Но Намма, вздохнув, снова лезет в рукав, извлекает второй, точно такой же свиток, кладёт его рядом с первым. Ждёт.

Тот самый. Не смят, не склеен. Стало быть, молодой Намма врал. Скорее всего, Государь прощения так и не увидел. Тем лучше.

На этот раз молодой господин Мино даже не станет заглядывать внутрь. Поднимает брови, задумывается.

— Вот оно как, значит. Тогда поздравляю и тебя. С почтительным сыном.

И внезапно разражается хохотом:

— Похоже, я и впрямь свалял дурака! Даже больше, чем дядюшка несколько месяцев назад! Он-то думал, что атаман Барамон — не кто иной, как глава Обрядовой палаты, старый господин Асано. И никому даже в голову не пришло, что Барамон — это ты, господин средний советник!

Теперь уже Намма вскидывает брови: что за нелепость? Но такие мины не помогут. Мино обрывает смех. Продолжает спокойно, но напористо:

— Кто, как не главный сыщик Полотняного приказа, может столь ловко управляться с такой обширной преступной сетью? Кто бы ещё лучше мог знать

положение на местах в шестнадцати областях? Кто смог бы успешнее представить весь этот замысел как направленный на благо державы? Я должен был обо всём догадаться ещё тогда, когда мне доложили, что глава одной из шаек — вылитый младший советник Хокума из Приказа, уже несколько лет числящийся погибшим. Любопытно, кто возглавляет остальные... отделения, или как это назвать? Но, боюсь, моё любопытство сегодня не будет удовлетворено!

Кажется, сработало. Средний советник Намма издал какой-то нечленораздельный звук. Замер, приоткрыв рот. Надо не упустить случая, нажать ещё. Пусть видит: мы готовы сойтись в открытом поединке, пред взором Властителя Земель. И тогда ещё посмотрим, кто окажется заговорщиком.

Однако старший следователь уже успел обрести дар речи. Разворачивает второй свиток:

— Сейчас речь не идёт собственно о разбойных шайках, хотя они, безусловно, вызывают беспокойство у Приказа. Сейчас мы говорим о краже печатей, в которой сознался твой человек. Будь всё так, как он говорит, ему бы не было никакого смысла вступать в переговоры с приказными, ещё тогда, когда мы расспрашивали в Привольной бражной лавочке. А ведь он сам, первый заговорил с сыщиком, вызвался помогать. Иное дело — если ты собирался отозвать свою подпись вот с этого кругового прошения: объявить, что твоя печать украдена и воспользоваться ею мог кто угодно. И то же с некоторыми другими печатями на той же грамоте. При таком замысле, действительно, признаться, будто ты лишился печати, следовало как можно раньше, не дожидаясь, пока тебя об этом спросят во Дворце.

Следователь замолкает. Мино не показывает на лице ничего, кроме учтвого любопытства. Посмотрим, кто кого переупрямит.

Через несколько мгновений Намма сдался. Разводит руками:

— Я одного не понимаю: чего вы, жалобщики, так перепугались? Прощение не содержит в себе ничего преступного. Даже ничего особенно порочащего честные имена наместников. Что они с разбойниками управиться не могут, в Столице и так известно.

Осторожно. На личные причины ссылаться больше нельзя.

— Прежде всего давайте держаться достоверно известного: если кто и испугался, то не все составители свитка и даже не я. А мой доброхот, Рокубэй. Действовавший, как он уже заявил и как я подтверждаю, втайне от меня.

Намма прикрывает глаза: продолжай, мол.

— А какова причина? Допускаю, что он узнал либо догадался, что грамота с печатью его господина попала в неподобающие руки. Не к Государю, а к разбойникам. В этом случае поведение Рокубэя преступно, опрометчиво, но вполне объяснимо.

Мино разминает плечи, придвигается поближе к жаровне. Молвит с улыбкой:

— Так что нам, господин средний советник, сейчас предстоит решить только один вопрос. Ошибся ли Рокубэй? Возьмёшься ли ты доказывать, что за кражей стою я, подтверждая тем самым, что за разбойниками стоишь ты?

— Каким образом?

Да вот, например, доказательство, у тебя в руках. Ты же изучил весь круг подписей. Ты видел: Подступы от участия уклонились. А почему? Потому что на Подступах, на средних и мелких должностях, полным-полно твоей родни, из семейства Хокума и прочих Конопляников.

Ладно, хочешь выслушать — слушай:

— Если ты начнёшь называть имена, то я тоже начну. Мне терять будет нечего, а расследовать мои показания придётся. В Полотняном приказе половина людей — из Конопляного дома. Расследовать обвинения против вас самих вам никто не даст. Готовы уступить Приказ кому-то ещё? Даже если проиграю я — сможете туда вернуться?

Всё. Теперь остановиться. Или сыщик сейчас кликнет своих приставов, или скажет: у меня нет выбора.

Намма взял свиток с прошением. Положил на жаровню, на угли. Подождал, пока загорится.

Задумчиво вертит в руках вторую грамоту:

— А эту бумагу должен был обнаружить раньше или позже кто-нибудь из служащих Книгохранилища, отнести по назначению, в Государеву приёмную, и тем самым дать тебе отговорку на крайний случай: писал, дескать, я один и совсем не о разбойниках, именно этот свиток дал делопроизводителю Намме и попросил вручить Властителю Земель, а про круговое прошение знать ничего не знал?

— Например.

— Это зря, — молвит сыщик. Развёртывает свиток, заглядывает внутрь, снова скручивает и бросает в огонь поверх первого. Поясняет:

— Твой тайный доброхот Рокубэй каким-то хитрым способом вынудил тебя отнести эту грамоту в Книгохранилище и подсунуть в бочонок со стихами. Там тоже не слепцы работают.

Встаёт и выходит.

Мелкий человек. Не мог напоследок не сказать гадость: и ваш замысел, мол, не безупречен. Ну да пусть его. Рокубэю теперь конец, но оно и к лучшему.

Мино-младший рассеянно смотрит в пламя. Заставить следователя отступить удалось. Только вот теперь придётся ещё долго сомневаться: а чего именно тот испугался? Того, что дом Асано выпустит из рук Приказ? Или что приказных всерьёз озадачат поимкой Барамона — а рыскать по горам, надо сказать, куда хлопотнее, чем травить чиновников, сидя в Столице. И тогда, получится, прошение всё же возымело успех? Забавно.

Самое неприятное — если этот толстяк и вправду Барамон. Потому что если так — то пройдет ещё десяток дней, Мино-младший получит долгожданное назначение в Привольный край и отбудет по месту службы. И тогда уже ничего не сможет сделать с главою разбойников. А вот Барамон на своей должности сможет с ним сделать очень многое.

21. Госпожа с Восьмой улицы

Многое можно сказать про юного господина Дзёхэя — но не что он страдает от одиночества. Сперва его триста дней справляли. Назавтра днём заглянули какие-то приятели Рэя — я сама их не видела, они только передали всякой заморской еды. Маленькому такое ещё нельзя, да и не по вкусу, а вот мне пришлось очень кстати. Вчера пожаловала матушка со своим нынешним супругом. Два часа объясняла Рэю, какое счастье ему выпало, а он не ценит. Господин же Гээн тем временем строил рожи дитяти. Потом заключил: способнейший ребёнок, всё понимает без слов!

Сегодня снова господин уполномоченный изволил нас посетить. Рэй с ним затеял длинное объяснение, но до беды не дошло: пришёл батюшка в сопровождении моего братца. Сказал, что похитителя печатей поймали — тот якобы таким образом стремился обличить недосмотры и злоупотребления чиновников всех уровней. Я этому не верю, да и сам батюшка, кажется, тоже. А Камэй ни в чём не виноват. Рэй молча пожал плечами и отправился к господину главе Книгохранилища, на мужскую половину.

А потом батюшка начал расспрашивать и молодого господина Асано, и брата про их встречи с разбойником Барамоном — или Барамонами, если это разные люди. Отец часто говорит, что никогда не был лучшим искусником по допросам в Приказе — но, я думаю, это из скромности. Уполномоченный и делопроизводитель юлили как могли, но потом, кажется, догадались: господин Намма прекрасно осведомлен о слухах, будто горный атаман — это наш родич Хокума. И после этого уже не запирались. Что и к лучшему. А то бы я так и сидела с этой их тайной, как дура.

Получается, оба сами не уверены. Вроде похож — а вроде и не он. И внешность перебрали по чёрточке, и все ухватки. Уполномоченный очень напрягся во время разговора, а всё же видно: ему скорее хочется, чтоб Барамон оказался Хокумой. А брату, кажется, наоборот — и атаман ему по душе куда больше, чем когда-то приказный сыщик. Но оба даже вспотели, словно боялись, что батюшка сейчас вскочит и закричит. А он с ними беседует цепко, упорно, по-деловому — и совершенно спокойно.

Как только господин Намма с вопросами покончил, оба заявили: им, дескать, надо срочно повидаться с господином книгохранителем. По поводу знамений во

Дворце. Ну, в Палате обрядов служба такая, это понятно, а вот при чём тут мой брат? Кажется, Пересмешница про него знает уже больше, чем я...

— Что тут стряслось до моего прихода? — спросил батюшка, когда они удалились.

Глядит при этом не на меня, а на юного господина. Ты, мол, единственный тут мне не врѣшь. Зато он у нас отмалчиваться мастер — пока.

— Отчего и муж мой, и господин уполномоченный рукава орошали слезами? Рэй пытался добиться, чего от него хотят. Не передумал ли молодой господин Асано, не собирается ли меня опять взять в супруги, либо в наложницы — вот же слово гадкое! — либо намерен просто меня навещать, как сейчас. И что по Облачному обычаю во всех этих случаях должен делать муж: исчезнуть, отвернуться, жаловаться старшим — или уж драться? Потому что, видишь ли, господин переписчик к сопернику своему питает самые добрые чувства, по-честному, и не хотел бы обмануть его ожиданий... Меня, конечно, спросить и не подумали, чего я хочу. Уполномоченный отвечал, что семью разрушать считает низостью, просто ему, когда он в Столице, одиноко и хочется поговорить с хорошими людьми, а друзей у него всего-то — мы да монах Нэхамбо. По-моему, тут он как раз правду говорит. В других домах молодому господину не скажут, насколько он к лучшему переменился, с тех пор как по стране ездить стал.

— А ты чего хочешь? — спрашивает батюшка.

— Они порознь оба хороши, каждый по-своему. Но вместе — невыносимы!

— И мужа любишь, и старшего родича совсем отпускать не хочется?

— Да если то от меня зависело, отпустить-то я его уже отпустила. Но это же не значит, что потом нельзя пустить обратно? Всяко я объяснила им обоим: ни про какое «передумал» речи нет, дом Конопки не допустит такой обиды Полинной родне.

— Что правда, то правда.

— Сына они пока не делят, и то ладно. Как начнут делить, придѣтся, я боюсь, с обоими расстаться. Бежать с юным господином — к дедушке!

Дед прямо сейчас протягивает руки: давай, мол, его сюда. Говорит:

— Когда об этой особе речь, мне трудно быть беспристрастным. Но, кажется, я пока здешнего соперничества... не обостряю?

— Наоборот. Ты и господин книгохранитель являете благой пример здравомыслия.

Вот кабы двое дедов начали из-за внука тягаться — было бы отчего слѣзы лить. А так у нас всё неплохо, на самом деле.

Батюшка улыбается:

— Ну, хорошо хоть со стороны так выгляжу. Потому что в последнее время сохранять здравый рассудок непросто, а лишившись его — легко самому того не

заметить.

— Это ты из-за разбойника Барамона? Или из-за Хокумы? Ты вот господина уполномоченного и братца расспрашивал — но я так и не поняла, что из их рассказов получается. Объяснишь?

Господин Намма вздыхает:

— И много получается, и мало. Что Хокума уцелел — я могу поверить, и если так, то рад. Что он потом сделался разбойничьим атаманом с обширными видами на то, как спасти Облачную страну — тоже вполне уже допускаю. А вот что этот Барамон способен находиться в двух землях одновременно, тут толковать с господином уполномоченным, а там — с Садаёри... Вот это уже невозможно. Такое только богам доступно.

— А Нэхамбо говорил, его и ещё в третьем месте он опознал. И вроде бы в ту же пору.

— Вот видишь.

Не сказала бы, что эти слова что-то объясняют.

— Но послушай, батюшка. В любом случае выходит — Барамонов много, чуть ли не в каждой области свой, и все они действуют одновременно. Если верить братцу, то даже и слаженно. Это значит, над ними всеми есть какой-то самый главный Барамон, который ими руководит, а они его слушаются? Кого грабить, кого стращать, с кем договариваться и кому что говорить? И кому на кого казаться похожими?

Батюшка кивает:

— То-то и оно. Допустим, такой человек есть. Но о нём никто ничего не знает. Ни отдельные любопытствующие, ни Приказ, который, как ты понимаешь, старается следить за происходящим. Можно гадать, можно строить предположения: кто этот атаман над атаманами? И строят, в том числе совершенно дурацкие. Но знать — не знает, кажется, никто.

— Странно. Но тогда, может, его и нет?

— Возможно. И вот это страшнее всего. Ты слышала, как твой брат описывал этот замысел: как сеть, что стягивает страну и не даст ей развалиться, если Вервие ослабнет. Так вот, получается, полтора десятка атаманов эту сеть расставляют ровно, ладно, никто не пытается на себя перетянуть. Между собою не грызутся. Как образцовые чиновники при праведном Государе. Но если никакого единого главы над ними вовсе нету... Такого в Облачной стране никогда не случилось — даже с тех пор, как Великий Властитель Земель стянул наши острова и связал вместе. Тем более — до этого. Больше скажу: насколько я знаю, и за морем такого не случилось, ни в Китае, ни в Индийских землях, нигде! Не бывает такого равновесия в сотрудничестве, которое само держится. Если оно явилось — это что-то совсем невиданное. Наяву, по крайней мере...

— То есть ты хочешь сказать... Видения и знамения, что являются Государю — они про это?

— Не знаю. Не силён я в таких делах.

Странно он и говорит, и выглядит. Это же не страх — что я, перепуганным батюшку не видала? И не уныние. И не изумление, наверное. И даже не отвращение к чуду.

— Ну, — говорю, — если что-то неизвестно — не значит, что и узнать нельзя. Может, и проявится какой-то главный Барамон. Я тоже попытаюсь разузнать.

— Спасибо. Только не очень увлекайся, — говорит батюшка.

И наконец-то улыбается, и маленький ему отвечает.

22. Разбойники

— Отвечает верно?

— Да, условленные слова помнит, хоть и старые. И с голосом у него что-то не то. Но, похоже, правда прибыл из Столицы.

— Ну, тогда пусть войдёт!

В Укромных горах ещё не отцвели вишни. Когда приезжий, хромая, заходит в хижину, за ним врывается запах весны. Это снаружи — лачуга дровосека, а внутри ставка атамана Барамона убрана с подобающей яркостью. Лежат шкуры, висят по стенам знамёна. Сам знаменитый разбойник сидит за лакированным столиком, кушает лапшу.

— Давно не виделись. Присоединяйся!

Гость из Столицы усаживается напротив, перед ним тоже появляются, будто ниоткуда, стопка с брагой и чашка с едой.

— Да я не то чтобы первым делом к тебе. Успел подкрепиться.

Голос правда звучит гнусаво: нос ему, похоже, недавно сломали. Зато синяков уже не видно.

— Ну, рассказывай.

— Что тут сказать? Назад в Столицу мне хода нет, по крайней мере, в ближайшие годы. Попался Полотняным.

— И что? Выпутался? Сбежал?

— И то, и другое. Вообще-то меня собирались казнить, за множественные кражи и внесение раздора в ход ведения государственных дел, как-то так. Но помиловали, закатали в ссылку на дальний остров. С дороги я и ушёл. На пару дней заглянул обратно в Столицу, а потом сюда.

— Кражи, значит? — шевельнул бровью Барамон. — Ладно, потом расскажешь, ежели захочешь. Значит, вот почему от тебя столько времени вестей не было.

— Да, новости мои, боюсь, запоздали. Все назначения уже и здесь наверняка известны. А кое-кто из наместников успел добраться до своих областей и приступил к выполнению обязанностей.

— А кое-кто, из самых рьяных, уже и закончил. Насовсем. В трёх краях все старые договорённости, уж хороши они были или плохи, пошли прахом, прислали свежее начальство с неистраченным рвением. Бряцают оружием, гоняют по горам вояк прямо в панцирях, стража бранится, мы огрызаемся... Пришлось поунять.

— Я уж, как сюда прибыл, узнал, что Укромный господин внезапно занемог и с постели не встаёт...

— И не встанет. А в Приволье новый наместник утонул. Шел по мосту и поскользнулся.

— Вот оно как... — человек из Столицы крякает. Помолчав, продолжает:

— Главная новость — дворцовая. Говорят, Властитель Земель... ну, в общем, у него видения. И не собственные, а наведённые. Занимается этим некий Мива, совсем молодой парень. Ну, или боги, а Мива посредничает. Так или иначе, Государь пребывает в мрачности и рассеян. А все вокруг него грызутся, выясняют, кто это постарался и зачем.

— И кто же?

— Я во Дворце дальше ворот не бывал. Но по тому, что слышал, — похоже, правда какое-то чудо. А кто к этому чуду прицепится или кого прицепят — это со дня на день меняться может. Как именно считается сейчас, не знаю.

— Нехорошо, — молвит атаман. — Придётся кого-то найти, кто сможет пробраться ко двору. Государь нам нужен настоящий, как сейчас, а не малое дитя в окружении советников.

— Об отречении пока не говорят.

— Будем надеяться. Ладно, пока оставайся тут, переводи дух.

— Я сам-то ничего, просто в пути утомился. Отдышусь и готов к новым поручениям.

— Ты уже и говоришь не по-прежнему. То как казённый чиновник, то как служилый на посылках... Подумаю. Про то, как раздрай устраивал, потом всё-таки расскажи, а сейчас отлёживайся. Побег — дело утомительное, по опыту знаю.

Приезжий встаёт, кланяется, собирается уходить. Но на полпути останавливается, снимает с пояса тяжёлый мешок, со стуком бросает на циновку:

— Да, кстати. Если зачем-нибудь пригодятся старые печати разных ведомств — тут кое-что есть. Все прошлогодние и уже не действительные, но бумаги, ими меченные, никто пока не отменял.

Отодвинув столик, атаман подбирается к мешку, развязывает, осматривает содержимое. Одну печать даже вытаскивает, подносит к светильнику, крутит так и эдак. Спрашивает:

— Это и есть множественные кражи?

Приезжий кивает. И рассказывает:

— Там, понимаешь ли, дюжина наместников и родичей их собрались, надумали сдать: не тебе, а Государю. Написали прошение, приложили печати. Спаси, мол, нас от Барамона. А потом задумались: лучше ли это, чем тебе в ноги упасть? И пошли на попятный. Тут-то их печатям и стала совсем иная цена, чем прежде.

— Вот как. Что у них, похоже, ничего не вышло, не удивительно, — говорит атаман. — А вот что до общего решения они дошли, это плохо. Такого я от этих самовластных господ не ожидал. И кто за всем этим стоит?

— В том-то и дело. Может, кто и думал, что ими всеми вертит, но на самом деле каждый решал за себя, что и опасно.

Барамон мрачно кивает. Человек, кого в столице звали Рокубэем, добавляет:

— И ещё. На чём я с кражами-то погорел. Из тех, кто печати лишился, многие отважились на себя же заявить, Полотняных не побоялись. Каждый — сам, никого не принуждали.